

Грин Агата

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35

Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Эпилог

Грин Агата

Практическая фейрилогия

Глава 1

Дюк ждал меня у машины. Поймав мой взгляд, он выразительно показал

на наручные часы: поторопись.

Я кивнула и отошла от окна. Захватив со стола сумочку, а со спинки стула – жакет, вышла в коридор, ведущий в прихожую, и там, у зеркала в полный рост, еще раз оценила свой внешний вид. Дорогое платье простого кроя отлично сидело по фигуре, волосы были идеально уложены волнами, глаза в оправе подкрученных густых ресниц (спасибо подруге, что посоветовала эту тушь) загадочно мерцали

на лице, полные губы изгибались в улыбке.

Подмигнув отражению в зеркале, я нагнулась, чтобы надеть туфли... туфли не нашлись. Бабушка, наверное, убрала в обувной шкаф. Я повернулась к шкафу. Балетки, старые замшевые туфли, офисные на устойчивом каблучке... Но где же новые, черные, купленные вчера?

Бабушка вышла в прихожую – полная, румяная, в переднике, со следами муки на лице. Сегодня она пекла очередной торт по мудреному рецепту. Вообще-то бабушка не большая любительница возиться на кухне, и любит простые, без изысков, блюда и выпечку. Но есть одно обстоятельство, именуемое рини Нортон – рини эта проживает на нашей улице и дружит с ба. Правда, дружба у них своеобразная, соревновательная. Они соревнуются во всем: в кулинарии, домоводстве, ремонте... Интересно, им надоест когда-нибудь эта дружба-война? Вопрос сложный.

– Туфли ищешь? – спросила бабушка.

– Да, видела?

– Конечно, видела. Шапка в них нагадила.

– Ка-а-ак? – ахнула я.

– Обыкновенно. Села и напрудила, – бабуля улыбнулась коварно, словно сама надоумила собаку сотворить подобное nepoтpeбcтвo.

– Оценила твою обновку, Мага.

– Как же я без туфель?!

– Вон у тебя их сколько, – ба кивком указала на заставленный обувью

шкаф.

– Все не те! Я же черные специально к этому платью брала!

Дюк просигналил с улицы, напоминая о себе, и я стала nervно

перебирать оставшиеся варианты. Туфли имелись только старые замшевые и офисные. Обе пары совершенно не подходили к платью.

– Пропала! – с надрывом и страданием сказала я. Можно было еще трагично заломить руки, но я решила не сильно усердствовать в своем горе. Да, горе – потому как любая неприятность перед свиданием может все испортить! Дюк вот-вот должен сделать мне предложение. У нас столик в ресторане. А у меня туфель подходящих нет!

– Спокойно, Мага, – произнесла деловито ба и прошла от обувного шкафа к обычному, в котором на нижних полках стояли еще коробки с обувью. Достав одну коробку, бабушка открыла ее и достала возмутительно красные туфли на высоченном каблуке.

– Вот эти надень.

Я с подозрением посмотрела на туфли. Купила я их еще в студенчестве и ни разу так и не надела. Слишком уж яркие, и слишком уж высокий каблук. Спросите, зачем же тогда купила? Не знаю! Это было помрачение рассудка из-за того, что дали повышенную стипендию, и мне срочно требовалось купить что-то особенное.

Ба вручила мне туфли, и я в них влезла. Несмотря на высоту каблука, туфли оказались достаточно устойчивыми, да и под платье подходили. Да и ноги мои сделались визуально длиннее.

С улицы донесся очередной сигнал.

– Иди скорее, а то твой Индюк всю улицу переполошит, – сказала бабушка, поморщившись.

– Не Индюк, а Дюк!

– Индюк, индюк. А ты курица, раз выбрала его.

Я закатила глаза: ба моего избранника не одобряла. Чмокнув ее в щеку, я вышла, наконец, из дома. Дюк ждал меня уже в машине. Торопливо, но осторожно преодолев расстояние от крыльца до калитки, а потом и дороги, я села в электромобиль и потянулась к жениху с поцелуем.

– Что так долго?

– Прости, катастрофа комнатного масштаба.

– Какая?

– Да так... Залило кое-что.

Электромобиль тронулся с места, и мы покатали по уютным улочкам пригорода. До Кэнтона ехать час-полтора в зависимости от загруженности дороги; если не хватит заряда аккумулятора, придется

еще потратить время на станции подзарядки.

– Твоя бабушка даже не вышла поздороваться со мной, – сказал Дюк, выруливая к шоссе.

– Она слишком занята на кухне.

– Знаю, что не нравлюсь ей.

– Главное, что нравишься мне, – уверила я.

– Насколько нравлюсь? – спросил молодой человек, хитро на меня посмотрев.

Я демонстративно оценивающе прошлась по нему взглядом. Глаза карие, волосы темные, в лице ничего примечательного, да и ростом невысок, зато сложен неплохо. Не красавец, но на него многие рини заглядываются, потому что он всегда одет с иголочки, по-мужски уверен в себе и невозмутим.

Дюк Денвер – редкий образец по-настоящему порядочного человека. Из хорошей семьи, толков, ответственный, консервативен в лучшем смысле слова. Умен, но не зануда. Амбициозен, но не трудоголик. Почему же бабушка не признает его и упрямо величает

«индюком»?

– Так насколько я тебе нравлюсь, Мага?

– Тебе достаточно знать, что просто нравишься, – протянула я весело.

– И это все?

– А ты чего ждал? Что я признаюсь тебе в великой любви? Не-е-ет, милый, вас, мужчин, сильно любить нельзя – вы от этого портитесь.

Дюк рассмеялся:

– Значит, не дождусь от тебя любви?

– Может, и дождешься... может, нет.

– Так и не дала четкого ответа, загадочная ты моя.

– Пока не твоя, – возразила я шутливо.

Он улыбнулся и сделал вид, что все его внимание принадлежит дороге. Хитрюга! Мы уже год вместе, пора определяться с нашим будущим, а Дюк медлит с решающим шагом. Можно оправдать его медлительность только тем, что сейчас он сильно занят на работе,

пытаюсь получить повышение. Учítывая, какой он целеустремлённый и ответственный, повышение будет, а значит, и предложение не за горами. Может быть, я услышу заветные слова уже сегодня...

Дюк обронил небрежно:

– Мои приглашают нас на ужин в пятницу.

– Прекрасно, – преувеличенно весело отозвалась я, хотя при мысли о семье Денверов моя кожа покрылась мурашками. Родные моего избранника так же идеальны, как и он сам. Но я-то нет! Вдруг, такая неидеальная, я не понравлюсь им, и они посоветуют ему найти более

подходящую девушку?

– Ты нравишься им, Мага, – приободрил меня Дюк.

– Знаешь, этот иррациональный страх перед твоей семьей не поддается контролю. Страшно, и все тут.

– Разве со мной тебе может быть страшно?

– Не поспоришь, – улыбнулась я.

Дюк кивнул, довольный ответом. Немного погодя нам все-таки пришлось остановиться у станции подзарядки. Электромобили марки

«Крейн» и комплектующие к ним считаются одними из самых качественных на рынке, но даже их батареи приходится часто подзаряжать. Поэтому до сих пор при поездках на дальние расстояния мы используем паромобили. Фейри, пекущиеся о сохранении окружающей среды, доводят наше правительство до белого каления, требуя, чтобы люди перестали пользоваться паровыми двигателями – они, считают

вредят окружающей среде.

Когда батарея была заряжена, мы продолжили путь. Я смотрела в окно, наблюдая за тем, как зеленые тихие улочки сменяются широкими оживленными улицами. По мнению большинства жителей, Кэнтон – город красивый, но по мне, ему чуть недостает зелени и красок. А север города, где мы как раз проезжали, это и вовсе мрачное место.

Здесь стоят особняки, облицованные серым камнем и украшенные символами веры – монастыри Ордена Сопротивления. Ныне в них располагаются

библиотеки и архивы,

содержащие богатейший книжный фонд и действующие артефакты. Мы проехали мимо особняков, и показалась ограда парка, прилегающего к древнему замку. Каких-то сто лет назад в нем заседали инквизиторы и строили планы, как избавить мир от всего «сверхъестественного паскудства» во всем его многообразии – от фейри, демонов, оборотней и прочих

созданий. Подвалы этого замка, в которых держали и пытали сверхъестественных жертв, до сих пор считаются местом силы. Ныне этот

замок, парк и строения на территории – музей-заповедник.

Не люблю я этот район... Осень, наряжающая деревья в золото, не смогла придать ему очарования; здесь даже стало мрачнее.

Дюк свернул на другую улицу, куда более оживленную, встречающую нас цветастыми вывесками и яркими огоньками. Увидев ресторан, где у нас был заказан столик на сегодня, я вздохнула про себя.

Сегодняшний вечер должен быть особенным!

Бюро сверхъестественных услуг располагалось в одном из тех старых строгих зданий, которые были выстроены во времена свирепствующей Инквизиции. Сохраняя все внешние атрибуты готического сурового особняка, здание это, к счастью, не имело давящей атмосферы неприглядного прошлого.

Бюро работает до восьми, а сейчас начало девятого, так что когда я вошла, посетителей в холле не увидела. Показав охраннику пропуск

– я здесь на полставки работаю – свернула в коридор, куда дозволялось заходить только работникам. Дойдя до узкой крутой лестницы, поднялась на второй этаж и дошла до двери, ведущей в приемную

рина Эдгара Кинберга, потомственного друида, специалиста по ритуаловедению и по совместительству моего дяди. Взявшись за ручку, собралась открыть дверь...

Дверь открылась сама, да так успешно, что засадила мне по лбу. Я охнула от неожиданности и, не удержав равновесия, упала. Раздался чей-то раздраженный вздох.

Я тронула рукой пострадавший лоб и, когда звездочки перед глазами перестали водить хороводы, увидела мужчину, замершего в дверях приемной. Пренебрежительного с виду мужчину, кстати, да еще и рыжего. Вместо того чтобы рассыпаться в извинениях и помочь подняться, он уставился на меня так, словно это я перед ним провинилась.

– Может, можете встать? – едко предложила я.

Нагнувшись, он схватил меня за руку и дернул вверх. Прделано это

было грубо и неэтично, будто он вещь упавшую поднял.

– Благодарю, – процедила я, оказавшись на ногах, и наградила

рыжего типа убийственным взглядом. — Вы очень добры. — «Что

треснули меня дверью по лбу», — закончила я мысленно.

Этот тип так и остался стоять в дверях, и руку мою не выпустил. Глядя снизу вверх, он внимательно разглядывал мое лицо. Будь я увереннее в себе, красивее и без наливающегося синяка на лбу, решила бы, что он так очаровался моей прелестью, что растерял все мысли и позабыл правила поведения в обществе. Которые, между прочим, диктуют очень уважительно относиться к рини и не держать их за руки без разрешения.

— Может, вы меня пропустите?

Он будто не услышал меня; его светлые невыразительные глаза все так же изучали мое лицо... волосы... шею... плечи... когда взгляд рыжего коснулся скромного декольте, я решила, что с этим пора заканчивать,

и резко вырвала руку.

Тогда рин очнулся. Усмехнувшись чему-то своему, он быстро ушел. Удивленная, я проводила его взглядом до поворота, и, потирая лоб, вошла в приемную.

Секретарша дяди, рини Торн, всплеснула руками при моем появлении

и воскликнула:

— Магари! Что с тобой, девочка?

— Какой-то рыжий рин дверью ударил. Даже не извинился.

— А-а, чтоб он провалился, проклятый! Всю кровь нам выпил!

Четыре часа рина Эдгара мучил, мы все тут чуть с ума не посходили.

Я прикрыла дверь и подошла к столу секретарши.

— Четыре часа пробыл? Чего хотел?

— Он из холмов, человеческий представитель сидхе. Искал дАру для своего господина, и ни одна из кэнтонских красавиц ему не понравилась. Мало того, что въедливый до ужаса, так еще и неприветливый... и тебе синяк вон какой поставил. Ты подожди, я сейчас что-то холодное раздобуду, приложим.

— Спасибо, рини, не беспокойтесь. А про этого типа забудьте — люди из холмов все такие кичливые и противные.

— Да я уже забыла про него.

Рини закопошилась в шкафу, разыскивая для меня что-то холодное.

– Не беспокойтесь, – повторила я, потирая лоб. – Шишка пройдет. Дядя как, не сильно взвинчен?

– Рин Эдгар никогда не бывает взвинчен, – с гордостью за своего начальника ответила секретарша.

– Это верно, – улыбнулась я. – Я зайду к нему ненадолго.

– Иди-иди.

Я быстро оправила платье и с сожалением посмотрела на красные, насоветованные бабулей туфли. Если бы не эти высоченные каблуки, не упала бы я от столкновения с дверью..

Собравшись с духом (а сила духа мне пригодится, ведь просить я собираюсь о кое-чем особенном), я вошла в дядин кабинет.

Как и всегда, оказавшись внутри, я испытала чувство, похожее на благоговение. Это не просто комната, где друид-распорядитель принимает посетителей, а место силы. Мебель из заговоренного дуба, ковер с руническим сложным узором, артефакты друидов на полках, эльфийские амулеты, печати демонов – все имеет свою собственную ауру. Здесь даже дышится иначе, чем в приемной, здесь пахнет магией. Сегодня, в частности, еще и недурным мужским парфюмом.

– Ма-а-гари, – удивленно проговорил дядя. – Что с тобой?

– Да так, упала, – быстро сказала я, не желая загружать его ценнейшее время объяснениями о рыжем типе.

– Немудрено. На таких ходулях только циркач и удержится, – неодобрительно проговорил друид, поглядев на мои туфли.

– Да брось, – отмахнулась я, и присела на стул для посетителей. – Дядя Эдгар, у меня к вам дело, серьезное. Я хочу провести кое-какой ритуал.

– Слушаю, – с серьезным видом сказал он.

Его вид так подействовал на меня, что я растеряла все слова.

Неудивительно, ведь он умеет внушать оторопь.

У дяди выгодный для друида тип внешности: он крепкий, рослый, заметный, черты лица у него крупные, глаза черные, брови густые, словно нарисованные. Нынче друиды бороды не носят – непрактично, но, как и прежде, отращивают длинные волосы. Дядины черные волосы всегда либо заплетены в косу, либо убраны в низкий хвост; распускает он их только во время ритуалов. В свои пятьдесят три года Эдгар не имеет ни единого седого волоска, морщин и лишнего веса, но моложе не выглядит. Помню, он упоминал, что и в двадцать пять лет казался зрелым мужчиной.

Самое замечательное в дяде, помимо характера, – это голос. В обычной жизни его голос приятен, ласкает слух, но ритуальный его голос могуч, властен и требователен. Я много раз была свидетелем ритуалов, которые проводил дядя, и ни разу не слышала, чтобы он запнулся, перепутал слова или проглотил хотя бы один звук. Дядин голос – сам по себе магия. Не всякий друид столь хорошо владеет силой слова.

– Мага, – назвал он меня ласково, по-домашнему, – что за ритуал?

– Сердечный.

Друид так удивился, что, будь у него борода, она непременно отвалилась

бы.

– Сердечный? – повторил он, не веря своим ушам.

– Да. Я не хочу ничего никому внушать, просто... – я замялась, не зная, как объяснить свою ситуацию. – Мы с Дюком уже год вместе, а он и не помышляет о свадьбе. Я думала, он так же, как и я, о нашем будущем

мечтает, а он все о работе своей. На сегодня он заказал столик в ресторане, пригласил меня, намекая, что собирается сказать что-то важное. Я разгорелась надеждой, зарплату отдала вот за это платье, с прической возилась два часа, чуть не убилась на этих опасных туфлях, и все ради того, чтобы при виде меня у него в голове щелкнуло – моя будущая жена! Но Дюк и не заметил, как я выгляжу. В ресторане он объявил, что его переводят в Солн, и добрых три часа радостно рассказывал, какой там чудесный морской климат, какие перспективы... А как же я?

– Ма-а-ага, – улыбнулся дядя, – ты зря переживаешь. Вместе вы не «уже» год, а «всего». Не придумывай ничего, не раззадоривай себя. Дай мальчику разобраться с работой. Поверь, как только он почувствует себя твердо стоящим на ногах, сразу сделает тебе предложение.

– Мне двадцать шесть, а я до сих пор живу с бабушкой. Не могу больше

ждать!

– И это говорит особа, которая однажды дала торжественное обещание, что никогда не выйдет замуж, потому что брак – это оковы и пережитки прошлого?

– Мне было шестнадцать.

– Я в тебе и ныне вижу все ту же шестнадцатилетнюю

девчонку. Только девчонка может решиться наложить на человека запрещенные

чары.

– Нет-нет, ничего запрещенного! Помнишь рина Ногорта? Того самого, у которого после аварии случилась амнезия? Ты провел сердечный ритуал, после которого он вспомнил все важное в своей жизни. Так вот и я хочу, чтобы Дюк не забыл в Солне, что я – важная часть его жизни.

Друид вздохнул, потер переносицу и сказал устало:

– Не могу понять, как тебе в голову пришла такая мысль.

Надеюсь, это вино ослабило твой разум.

– Всего-то бокал выпила! Дядя, Дюк собирается уехать на три месяца. Что, если он забудет меня? Что, если встретит другую?

– Вам действительно рано жениться, раз ты так сомневаешься в нем. По мне, так эти три месяца разлуки как нельзя кстати. Разлучившись, вы поймете, что значите друг для друга.

– Ах, как банально. Не таких слов я от вас ждала, – вздохнула я и, лукаво взглянув на друида, шутливо посетовала: – Какая жалость, что вы такой правильный, дядя. Я бы на вашем месте не отказалась подсобить любимой племяннице в любовном деле.

– Какая радость, что ты родилась девочкой, – подражая моему тону, ответил он. – Родись ты мальчиком, пришлось бы тебя, носительницу магии, отдавать на учебу в Общину друидов. Содрогнулась бы тогда Вегрия!

– Хотите сказать, из меня бы вышел плохой друид?

– Цель существования друидов – сохранение Равновесия. А ты Мага, прирожденный адепт Хаоса, – произнес Эдгар, оглядывая мой пострадавший лоб и растрепанную прическу.

– Ну, спасибо, – протянула я, и на часы взглянула. – Скоро девять. На последний автобус из Кэнтона я не успею, а на такси разоряться не хочется. Рискнете приютить у себя на ночь адепта Хаоса?

– Только если адепт приготовит ужин.

– Договорились!

Глава 2

Две недели спустя я вместе с родителями Дюка провожала его в Солн. Снабдив сына важными напутствиями, вручив пакет с пончиками и расцеловав, чета Денверов вышла из купе на перрон,

давая нам минутку наедине.

Дюк взял меня за руки и сжал.

– Магари, дорогая, я так рад, что ты понимаешь, как для меня важна эта поездка! Если я успешно отработаю испытательный срок в конторе рина Буро, то смогу устроиться там, набраться опыта, чтобы потом открыть свою практику в Солне. Здесь же, в Кэнтоне, слишком большая конкуренция.

– Да-да, – прошептала я веселой птичкой. – Пришлешь открытку?

– Конечно.

– С морским пейзажем.

– Обязательно, – уверил Дюк, и посмотрел выжидательно, словно

чувствовал, что мне есть, что еще сказать.

Мне и впрямь было, что сказать, но я сдерживалась. Вряд ли бы Дюк оценил мою горячую речь о том, как важно хранить верность своим избранницам. Когда мы стояли на перроне, ожидая поезд, на него и то уже заинтересованно поглядывали некоторые особы. Что же будет в Солне? Незамужние рини так и кинутся на молодого, симпатичного, перспективного и – самое главное! – холостого Дюка Денвера.

– Желаю тебе удачи, дорогой, все у тебя получится, – проворковала я милой голубкой.

– Спасибо, дорогая.

Он склонился ко мне и быстро и целомудренно чмокнул в щеку, ибо по законам вегрийского общества проявлять чувства в общественном месте считается недопустимым. Раздался еще один предупреждающий гудок. Поморщившись, я открыла дверцу купе, и Дюк помог мне сойти с подножки на перрон.

Проверяющий прошел каретные вагоны, удостовераясь, что все двери закрыты. Когда он закончил обход, раздался еще один гудок.

Сердито пыхнув дымом, паровоз медленно потянул состав. Дюк, улыбаясь, помахал нам рукой из окна своего купе, я помахала в ответ.

Глядя на шумно удаляющийся поезд в сизых клубах дыма я не могла отделаться от ощущения, что зря отпустила Дюка. Влюбленным расставаться нельзя, влюбленности нужна пища – встречи, поцелуи, объятия...

– Магари, дорогая, – сказала рини Денвер, подойдя ко мне. – Мы

собираемся прокатиться в парк, полюбоваться осенними красотами. Не желаете ли составить нам компанию? Мы будем очень рады вашему обществу.

— Благодарю вас, — пропела я соловушкой, — но я не могу: дела
В

редакции.

— Какая жалость... Позвольте, в таком случае, проводить вас хотя бы от вокзала. Здесь такая суeta и толкотня, — поморщилась рини.

Я кивнула. Следующие десять минут мы пробирались к выходу из вокзала через толпу, и все это время я втайне радовалась тому, что вести светский разговор в такой обстановке невозможно. Проводив меня от вокзала к зеленому тихому скверу и пожелав удачного дня, Денверы удалились.

Оставшись одна, я выдохнула с облегчением: несмотря на то, что чета Денверов так и источают доброжелательность, рядом с ними мне даже дышится тяжело. Можно объяснить это тем, что любая рини трусит рядом с родителями потенциального супруга, но дело не только в этом. Последнее время я сама не своя, так и точат душу неосознанные

предчувствия...

Отчего я такая нервная нынче? Перемена погоды? Приближение критических дней? Или дело все в интуиции, которая упрямо твердит, что

нельзя было отпускать Дюка в Солн?

Вздыхнув, я пошла к редакции родного журнала

«Сверхи». Приближалось время обеда, и я надеялась поболтать с коллегами, чтобы отвлечься, и заодно узнать, когда из отпуска вернется склочный выпускающий редактор.

У входа в редакцию стоял замглавред в компании с двумя мужчинами и что-то вдохновенно втолковывал им. Замглавред – тип чванливый, скупой на похвалы и щедрый на упреки, к тому же у него дрянная память на лица. В общем, с ним бесполезно здороваться, все равно не ответит. Я по привычке прошмыгнула мимо него, к дверям.

— Магари! Какая радость, что вы здесь!

замерла. Это он мне?

— Магари, милая, а мы как раз собрались вас искать!

Я повернулась к замглавреда, пораженная удивительным фактом:
он не только запомнил мое имя, но еще и узнал в лицо.
Это
неординарное

событие и, надеюсь, вызвано

оно не тем, что я
напортачила со статьями.

Пока я гадала, чем вызвано подобное, замглавред оттеснил меня
от входа и подтолкнул к мужчинам, с которыми разговаривал. Один из
них был средних лет, тучен и с проплешинами, другой молод и
улыбчив. Оба были облачены в неброские дорогие костюмы (в дорогих
костюмах

я начала разбираться после
знакомства с Дюком).

– Вот она, счастливица! – объявил замглавред.

– Счастливица? – озадачилась я.

– Добрый день, рини Кинберг, – произнес молодой рин, глядя
на меня сверкающими глазами. – В начале года вы подали в
Министерство свою анкету и заявку на пребывание в холмах фейри. С
радостью сообщаем вам, что ваша заявка одобрена. 31 октября, в
Самайн, для вас и еще двоих счастливичиков откроют портал в холмы.

Ослабив шелковый шейный платок, я сипло уточнила:

– Меня приглашают?

– Да, рини.

– О, Богиня!

Замглавред широко улыбнулся и хлопнул меня по плечу:

– Вы в шоке? Но это такой приятный шок, не правда ли?
Получить подобное приглашение это большая удача для фейриолога,
особенно

для такого молодого.

– Рини Кинберг, – обратился ко мне тучный, и протянул папку с
документами, – возьмите типовой договор, ознакомьтесь внимательно
со всеми пунктами, и, когда примете решение, свяжитесь с нами по
указанному телефону. Самайн близко, поэтому срок на раздумья
неделя. Помните, двадцать процентов приглашенных людей остаются
в холмах фейри навсегда. Помните также, что пятьдесят процентов из
них умирают. Решение, которое вы примете, может быть
судьбоносным.

Я машинально кивнула на эти хорошо знакомые фразы: каждого
приглашенного предупреждают об этих процентах, и с благоговением

взяла папку. Мир поблек, растворился, все потеряло значение перед
фактом: Я. Получила. Приглашение. В холмы.

Мужчины говорили о чем-то еще, поздравляли, но я их почти не
слышала. Когда они, откланявшись, сели в электромобиль и уехали,

замглавред взял меня за руку и увел в редакцию, в свой кабинет, где долго и цветасто расписывал, как это замечательно, восхитительно и прелестно, что меня, автора журнала «Сверхи», приглашают в холмы. Пока он подсчитывал, насколько можно будет по моему возвращении раздуть тираж и какую новую рубрику открыть, я сидела едва ли не в оцепенении, с недоверчиво-глупой улыбкой на устах.

Шесть лет я подавала заявки в Министерство, и наконец, мне повезло. Не знаю, то ли звезды так встали, то ли кто-то из госслужащих оценил мое рвение, но точно знаю, что приглашение приму.

Тем же вечером я поспешила к дяде в Бюро, чтобы поделиться радостной вестью. Друид словно и не услышал меня; он витал в своих мыслях, и вид у него при этом был такой, словно он впал в транс. Привыкшая с уважением относиться к его временным «отлучкам», я перестала говорить. Через минуту-другую дядя очнулся и обратил на меня ясный взгляд.

– Значит, – серьезно сказал он, – тебя приглашают в холмы.

– Да! – рассмеялась я, но, увидев, как исказилось лицо друида, осеклась. Сердце дернулось в груди испуганной птицей. Почему у него такое лицо, словно я сказала о чем-то ужасном?

– Почему ты, Мага? – тихо спросил дядя, пристально глядя на меня. – Неужели во всей Вегрии не нашлось других, более толковых фейриологов?

– Не только меня приглашают: счастье выпало еще двоим фейриологам. Нам предоставят возможность изучать фейри и вести наблюдения. Естественно, гарантируют магическую неприкосновенность. Условие только одно: материалы, которые мы соберем, должны будем согласовывать с ними, публиковать можно будет только одобренные статьи. Ну а все остальные пункты договора стандартные, сами знаете.

– Рада?

– Конечно, рада! Что еще полагается чувствовать, когда сбывается мечта?

Побывать в холмах действительно моя давняя мечта. В детстве я с ума сходила по фейри: представляла себя то эльфом, то боглом, а то и баргестом косматым; в юности воображала, как встречу эльфа, причем непременно сидхе, как он влюбится в меня и предложит уйти с ним; в студенчестве очень хотела притронуться к самой магии холмов, увидеть чудеса обоих дворов своими глазами. И я не просто мечтала об этом всем, а шла к мечте: сначала терзала дядю расспросами, повзрослев, навязывалась как свидетель на ритуалы, поступила на фейриологию, исправно каждый год отправляла заявки в Министерство на посещение холмов... И вот, свершилось! Приглашение получено!

Эдгар хмуро глянул на мою светящуюся мордашку и сказал:

– Нечего тебе делать в холмах. Там все иначе. Магия, которая становится доступна и осязаема, вызывает зависимость, прикосновение эльфов подчиняет и чарует, к тому же жизнь в холмах длится вечно. Ты мне как дочь, Мага. Я не прощу себя, если отпущу, и ты отречешься от человеческой жизни ради вечного пребывания среди фейри.

Это слишком большое искушение.

Я кивнула. «Искушение», «зависимость» – нельзя подобрать других слов, полнее и точнее описывающих состояние человека, который оказался в холмах. В наше время тех, кого приглашают ко дворам, защищают от воздействия магии и соблазнов, но все равно тяжело из сказки возвращаться в серую действительность. До сих пор фиксируют

случаи смертельной тоски по фейри.

– Опасения ваши понятны. Но мне ли, представителю рода друидов, бояться чар фейри? Тем более что я отправлюсь туда по делу, собирать материал, как ученый.

– При всем уважении, моя дорогая, ты не ученый, – закатил глаза

дядя.

– Тогда как журналистка.

На это он уже возразить не мог. Пусть у меня и нет профильного гуманитарного образования, но я вот уже третий год как в штате журнала «Сверхи», веду колонку о фейри и заодно анонсирую где, когда

и кем будет проведен очередной ритуал, связанный с ними.

– Я проведу в холмах ровно три месяца по нашему исчислению, и вернусь. Закон ретиво защищает отношения людей и фейри, так что я буду в полной безопасности, как и другие фейриологи, которых пригласили.

Вздохнув, дядя поднялся из-за стола и встал у окна. За окном шумел дождь, и в вечерней темноте сумерек ничего невозможно было рассмотреть, кроме рассеянного света газовых фонарей. Однако друиды и в темноте могут узреть многое. Дядя умеет прорицать, и, хотя его способность видеть будущее довольно слабо развита, ее все же не стоит упускать из виду.

– Что-то видите? – насторожилась я.

– Ничего определенного, но сердце гложут предчувствия.

– Дурные? – расстроилась я.

– Не могу понять... Все туманно.

– Будущее всегда туманно, вы сами мне это говорили. Любой прорицатель видит только одну вероятность того, что может произойти, а остальные вероятности сокрыты. Когда картина неполная, о ней судить нельзя.

– Это так, – проговорил друид с досадой, словно сам бы не рад тому, чему меня учил. Он явно подыскивал аргументы, чтобы убедить меня отказаться от приглашения, но аргументы не находились. Или он заранее знал, что проиграет в споре со мной.

– Такой шанс выпадает раз в жизни. Я не собираюсь его упускать, – твердо сказала я, чтобы положить конец дискуссии.

Друид посмотрел на меня и так же твердо заявил:

– Вот что, Мага. Я отпущу тебя в холмы только с одним условием – если ты позволишь поставить дополнительную защиту. Сегодня же.

Я закатила глаза и протянула:

– Это называется «паранойя».

– Называй, как хочешь. Без защиты я тебя никуда не пущу. И ритуал должен быть проведен как можно раньше. Чем больше времени от проведения ритуала прошло, тем...

– Тем сильнее будет его эффект, – закончила я. – Ладно, против защиты

я ничего не имею.

– Тогда собирайся. Быстрее начнем, быстрее закончим.

– Есть, мой рин, – отсалютовала я рукой и поднялась со стула.

Захватив сумочку и плащ, я вышла из кабинета, и, пока дядя копался, достала из сумочки блокнот. К списку заданий на завтра прибавится еще и посещение Министерства по сверхъестественным делам – нужно получить одну важную подпись. Еще нужно заскочить

к рину Флоггсу и уточнить, как дела с запланированным ритуалом очищения, подготовить анонс и сдать его редактору. И не забыть купить для Шапки корм.

Дядя вышел из кабинета, закрыл дверь. Он уже надел плащ и шляпу, и в руках держал объемную сумку, в которой обычно носил ритуальные принадлежности. Закрыв приемную и сдав ключи, мы вышли из бюро и сели в машину.

Из Кэнтонна выехали быстро, пробок не было, а так как двигатель

электромобиль был хорошо заряжен, то обошлись и без подзарядки. Остановились мы через сорок минут, у дубравы, которую друиды Кэнтоната облюбовали для ритуалов, и под одним зонтом, перебежками, добрались до дядиного дуба, кора которого была отмечена нарисованными

им символами.

Пока я пританцовывала на месте, спасаясь от вечернего холода и промозглой погоды, дядя опустил зонт и распустил волосы; они легли гладкой тяжелой массой на его спину. Затем мужчина пропел короткую молитву-обращение, нарисовал заговоренной краской нужный символ на коре дуба, и коснулся ее ладонями. Это нужно, чтобы воззвать к духу дерева и указать силе выход в символе.

Зная, что будет дальше, и как должен вести себя человек, участвующий в ритуале, я вынула шпильки из волос, разрушив любимую прическу – низкий пучок. Волнистые распущенные волосы не легли одной тяжелой массой, как у дяди, а сразу взлетели вверх, поднятые ветром. Вообще-то по древнему порядку мне следует не только распустить волосы, но также и обнажиться, но это уже чересчур для наших цивилизованных времен.

Одной рукой держась за дерево, другую друид опустил на мой лоб и сосредоточился. Сейчас потекут из его уст знакомые слова заклинания...

Я приготовилась мысленно повторять их, но после первого же произнесенного дядей слова изумленно на него взглянула. Не только заклинание было мне незнакомо, но и язык, на котором оно произносилось! Испугавшись, я все же не сошла с места, не шевельнулась и не задала вопросов, пока дядя не закончил. Прерывать ритуалы нежелательно, потому что никто не сможет предсказать, какие будут последствия.

Капли дождя перестали залетать к нам, пространство под дубом, на котором мы стояли, наполнилось силой, и я почувствовала, как наэлектризовались мои волосы, и как кожу стало покалывать. Верный признак того, что вокруг сконцентрирована магия. Когда заклинание было произнесено, друид открыл глаза, темные, как ночное небо, убрал руку от моего лба, оперся спиной о дуб и обронил устало:

– Все.

Магия медленно уходила, просачивалась в землю, уносилась ветром, разбивалась каплями дождя, но я все еще чувствовала ее близость.

Призови ее дядя – она отзовется и вернется.

– Что это было? – спросила я, потирая непроизвольно лоб. Он не болел, от прикосновения не осталось никаких следов. Пометка: видимых

и ощущаемых следов.

– Ритуал защиты.

– Что же это за ритуал такой? Я не знаю о таком! И язык, на котором

вы читали заклинание, мне
незнаком тоже.

– Это древний язык, его редко используют в ритуалах.

– Зачем же вы его использовали? Почему не провели обычный ритуал?

– Потому что об обычных ритуалах знают все. Но та защита, которую я поставил, практически не имеет собственного резерва силы, и потому останется незамеченной. Мага, милая, – добавил он мягко, – не смотри на меня так, словно я тебя обманул. Друиды не лгут.

– Да, не лгут – хитрят! Как будет действовать защита?

– Никто не причинит тебе вреда.

– Исчерпывающий ответ! – фыркнула я сердито и сложила руки
на

груди.

Дяде я привыкла безоговорочно доверять, и то, как он сегодня провел меня с защитой, сильно расстроило. Я не любитель сюрпризов, особенно магического рода. Еще мне очень не нравится, что он уходит от прямого ответа. Это значит, что ответ может мне не понравиться.

– Почему вы сразу не предупредили меня о том, что будете
проводить

незнакомый ритуал?

– Ты бы отказалась в нем участвовать.

– Вы коварный человек, рин Эдгар.

– А вы, рини Магари, самонадеянная девчонка.

Дядя тоже сложил руки на груди, отзеркалив мою позу, и какое-то время мы смотрели друга на друга воинственно, как строгий отец и своенравная дочь. Только когда над нами загрохотал гром, напряжение спало.

– Жулик вы, дядя, – досадливо протянула я, – бессовестный жулик. Собственную племянницу провели. Но я все узнаю об этом ритуале:

у меня блестящая слуховая
память, и я запомнила все слова.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся дядя. – Как не сомневаюсь и в том, что бабушка надерет тебе уши за то, что ты не предупредила ее о том, что опоздаешь.

Ой!

Глава 3

О ритуале, проведенном дядей, я так и не успела ничего разузнать: все время заняли хлопоты по подготовке к переходу. Я бегала то в Министерство, то по ведомствам, проходила собеседования и «инструктажи» о том, как вести себя в холмах и на что обращать внимание; дядя давал бесчисленные советы; ба гордилась; главный редактор «Сверхов» напутствовал; друзья-знакомые поздравляли; в прессе муссировалось мое имя, как и имена двух других фейриологов. Дюк каждый день звонил по вечерам, и мы подолгу обсуждали то мое приглашение, то Солн (платеж за междугороднюю связь выйдет приличный). В общем, такая настала суматоха, что я и не заметила, как пролетело время, и настала роковая ночь.

31 октября, в ночь Самайна, правительственный электромобиль остановился у незримой границы холмов фейри. Граница представляла так себе зрелище: поле с жухлой травой, присыпанное кое-где буро-желтыми листьями с одинокого клена, стоящего в отдалении; несколько больших серых камней, мокрых от недавнего дождя, в центре поля. Над всем этим хмурые небеса, а вокруг – промозглый ветер.

– Время неблагих пришло, – произнес после долгого молчания друид, ответственный за наш переход.

Он отличался худощавостью, серыми колючими глазами и густыми белокурыми волосами, которым позавидовала бы любая девушка. Одет он был в парадную белую мантию из ткани, серебрящейся на свету, в мочки его ушей были вдеты серебряные обереги, запястье правой руки овивала татуировка, представляющая собой сложный рунический узор. Длинными пальцами с ухоженными отполированными ногтями он то и дело касался амулета на цепочке с изображением трискеля[1].

Жаль, что с нами отправили этого татуированного блондина, а не моего дядю. Но причины понятны – Эдгар Кинберг хоть и уважаемый специалист, однако его статус в иерархии не столь высок, чтобы ему доверили в священную ночь Самайна проводить ритуал перехода.

Друид обернулся и поглядел на нас, фейриологов, внимательнее. Нам было велено одеться празднично, но в темные цвета, чтобы отдать дань

уважения Неблагодарному двору.

Я не рискнула надеть черное платье – меня этот цвет съедает и превращает в нечто маловыразительное и несимпатичное. Поэтому выбрала платье из струящейся ткани припыленного синего цвета, а волосы убрала в любимый низкий пучок, оставив свободными лишь пару прядей у лица. Платье сидело хорошо, прическа и макияж удались, обувь не жала. Я выглядела прекрасно, но другая женщина из приглашенных затмила меня и красотой, и нарядом.

Ее звали Вайолет Фенн. Из статьи, выпущенной к Самайну, в которой рассказывали о людях, удостоившихся в этом году приглашения в холмы, я знала, что данная рини – выпускница того же факультета, что и я, жена банкира, мать двоих сыновей, владелица магазина эксклюзивной косметики. О возрасте ее умолчали в статье, но на вид я бы дала ей лет тридцать. Рослая, стройная, белокожая и темноволосая, с кошачьими зелеными глазами, она показалась мне безусловной красавицей.

Всю дорогу до границы я посматривала на эту роскошную рини, подмечая, как у нее собраны волосы, из какого материала пошито платье, как она держится. Интересно, выглядела бы она так же эффектно без косметики, одетая в платье попроще, и с волосами, не присмиренными лучшими кудесниками-парикмахерами? Пожалуй, выглядела бы. С такими глазами, волосами и кожей она всегда будет яркой. Везет же некоторым!

Я перевела взгляд на третьего приглашенного фейриолога, Брендона Льюта. Ему почти сорок, но выглядит он лет на десять младше. Не женат. Работает в государственной библиотеке, в секторе фейри. Мы знакомы со времен моего студенчества; я тогда часто приходила за нужным материалом в библиотеку, и рин Лют мне помогал в поисках. Он часами может говорить о фейри, но совершенно теряет, стоит увести разговор в сторону. Невысокий, щуплый, вечно витающий в своих мыслях, он, кажется, не приспособлен к жизни вне библиотеки.

На Самайн он надел заношенный черный костюм-тройку. Пока мы ехали к месту, я пару раз пыталась завязать с рином Льютом разговор,

но он был так взволнован предстоящим переходом, что отвечал невпопад, и я решила его не тревожить.

Мы все взволнованы... Когда выезжали из Кэнтонна, нас сопровождала полиция, а друид-распорядитель намеренно навел чары, чтобы любопытные горожане и журналисты не могли наше местоположение отследить. Так что, доехав до поля-границы, мы почувствовали себя отрезанными от всего остального мира.

Когда тусклые огни сумерек окончательно погасли, дождь усилился, и ветер снаружи стал завывать особенно зловеще. Ночь Самайна – самая жуткая в году; в эту ночь крайне не рекомендуется проводить ритуалы и гулять в безлюдных неосвещенных местах. И, хотя ничего дурного в эту ночь за последние лет двадцать не произошло, в сердце каждого человека рождается страх, когда в

Самый устанавливается плохая погода. Вспомнились строчки из указаний друидов неопитам:

Ненастье тех скрывает,

кто жаждет крови смертных.

Тому, кто выйдет в злую ночь,

Ни бог, ни богиня не смогут помочь.

— Пора, — возвестил беловолосый друид, и, сжав пальцами амулет, снова обернулся к нам, чтобы в который уже раз проинструктировать. — Когда появится арка, вы должны будете по очереди встать перед ней и ответить на вопросы, которые вам зададут. Если солжете, отвечая на вопросы, то арка при переходе убьет вас, ибо ни один лгун не может войти в холмы.

Мы знали об этом, но слова мужчины все равно заставили заволноваться еще сильнее. Люди по природе своей лживы, и привирают даже тогда, когда в этом нет необходимости. Так что придется всегда быть начеку.

Я глубоко вдохнула и накинула на голову капюшон плаща. Все наши вещи, кстати, зачаровали, чтобы магия холмов не преобразовала их. Так что все, что было на мне и в сумке, можно было счесть слабыми

артефактами.

Друид вышел первым, за ним мы. Ветер тут же попытался сорвать с меня капюшон, начал трепать плащ. Вжав голову в плечи и различая только фигуры своих спутников в темноте, я пошла за Льютом. Настолько сильным стало волнение, что я перестала что-либо

слышать, кроме оглушительного стука собственного сердца. Сотни раз представляла, как открываются передо мной двери холмов... Впрочем, на самом деле «дверей» не существует — в иную реальность ведут порталы, и эти порталы не способен открыть ни один человек, даже друид. Но можно «постучаться» — коснуться одного из камней, которые всегда остаются на местах порталов, и тогда с той стороны может кто-то откликнуться...

Друид коснулся одного из камней и держал руку на нем до тех пор, пока все камни не стали шевелиться. Тогда он знаком велел нам отойти. Отходя, Лют наступил мне на ногу. Я ойкнула, он ойкнул, отскочил, поскользнулся и упал на одно колено. Занятые всей этой возней, мы прогляпили величественный момент сотворения портала из камней.

— Что вы устроили?! Прекратите! — зашипел на нас друид.

Испачканный Лют перестал бормотать извинения и замер на месте. Я же на всякий случай отошла от неуклюжего библиотекаря и

встала ближе к рини Фенн.

Портал сложился напротив нас в каменную арку, вверху которой загорелось изображение дуба — знак того, что «постучался» друид. Какое-то время в арке ничего не было заметно, кроме темноты, но вскоре в ней закружились желтоватые тусклые огоньки. Вот и первые фейри, спанки — блуждающие огоньки. Завлекают жертв в ловушки, чаще в болота, трясины, водоемы, и, когда жертва умирает, питаются остаточной энергией в трупе. Светящиеся ярко спанки — сытые спанки.

Покружившись в арке, они вылетели в наш мир, завлекать неосторожных людей или животных в ловушки. В ночь Самайна такие

«шутки» фейри разрешаются. Я проследила взглядом, куда именно полетели

фейри, и вновь посмотрела в арку.

В ней постепенно вырисовывались очертания леса, осеннего леса. Словно набросок оживал на наших глазах, превращаясь в полноцветную картину: стали различимы стволы деревьев, вспыхнула яркими красками багряно-золотая листва. Там, в арке, царила та же осень, что и у нас, но все же она была иной, и зачаровывала, влекла к себе мягким свечением. Как только минует полночь, это благое свечение сменится неблагоприятными сумерками.

В арке появился проводник. Лицо его разглядеть было невозможно. Они с друидом обменялись положенными приветствиями и приступили к процессу перехода. Успеть нужно до полуночи по нашему времени.

Друид подвел к арке первого, Льюта.
Проводник спросил:

— Кто ты?

— Брендон Льют, — дрожащим голосом проговорил библиотекарь.

— По какому праву хочешь войти?

— По приглашению.

— Чисты ли твои помыслы?

— Чисты.

— Входи, Брендон Льют.

Бледный, с испачканным грязью коленом, Льют вошел в арку. Вот первый из нас и совершил переход... Проводник кивнул Льюту, показал, куда встать, после чего снова повернулся к нам.

К арке подошла рини Фенн.

– Кто ты? – спросил встречающий.

– Вайолет Фенн.

– По какому праву хочешь войти?

– По приглашению.

– Чисты ли твои помыслы?

– Чисты.

– Входи, Вайолет Фенн.

Она вошла уверенно, без малейших колебаний. Даже в моменты волнения держит себя в руках. Ничего не скажешь, профессиональная красавица.

Беловолосый друид посмотрел на меня – иди.

Я подошла к арке и встала напротив встречающего.

– Кто ты?

– Магари Кинберг.

– По какому праву хочешь войти?

– По приглашению.

– Чисты ли твои помыслы?

– Чисты.

– Входи, коль не страшно, Магари Кинберг.

Кажется, меня сочли трусихой... Вскинув подбородок, я решительно шагнула в арку. Мне не страшно!

Зная, что воздух в холмах пьянит гостей-людей, я намеренно сделала глубокий вдох, и огляделась неторопливо, отдавая должное окружающей красоте в осенних оттенках. Да, воздух сладок, да, глаз радуется, но этого мало, чтоб я опьянела. Как славно, что в моих венах течет кровь друидов!

Я с любопытством поглядела на рини Фенн. На ее лилейно-белых щеках разлился румянец, а зеленые глаза зажглись восторгом, но она тоже не опьянела. А вот Лют поплыл... Его не по-мужски нежное лицо потеряло осмысленное выражение, глаза остекленели, а губы приоткрылись. Магия холмов в действии... или права моя бабушка, и мужчины слабее женщин?

Я подошла к библиотекарю и тронула его за руку. Когда это не помогло, ущипнула. Рин Лют заморгал и недоуменно на меня посмотрел. Мол, что ты такое и откуда взялось?

– Вы в порядке, рин?

– Я, должно быть, растерялся... – смущенно проговорил он. Растерялся, как же!

Я перевела взгляд на нашего провожатого.

Первый встреченный мною эльф... а разглядеть невозможно. Тело скрыто плащом непримечательно темного цвета, а на лицо низко опущен капюшон. Рассмотреть можно только длинные белые пальцы и подбородок, но этого мало, чтобы восхититься. Ничего, я еще успею насмотреться

на эльфов.

Дав понять друиду, что все хорошо, эльф взмахнул рукой, и наш темный

мир в арке пропал.

– Следуйте за мной, – сказал провожатый, и указал вперед.

Мы

пошли за ним по дорожке, усыпанной золотой листвой.

Недавно мы с Дюком ездили в лес делать фотографии. Ох, и намучились, выбирая красивое место и ракурсы! Тут же везде красивые места и удачные ракурсы. В нашем мире попадаются кривые деревья с ободранными ветками, а здесь каждое дерево, каждый листик на нем совершенны. Пока правят благие, мир фейри красив и светел. А вот после...

Провожатый поводил нас по тропке, дожидаясь, пока Лют придет в себя, и только потом вывел к беседке, в которой нас ожидало трое...

людей.

Одного я узнала сразу – этот был тот рыжий рин, который приходил к дяде в бюро и поставил мне здоровую шишку дверью. В этот раз одет он был по эльфийской моде: черные свободные штаны, черный кафтан, в продольных разрезах которого можно разглядеть кроваво-красную нижнюю рубашку, того же кроваво-красного цвета пояс с золотой вышивкой, ботинки тоже черные. Черно-красный наряд этот выглядел неуместно, портил и без того не приятную внешность рыжего.

Мы встретились глазами, и он улыбнулся. Все так же самодоволен! Сказать бы этому выскочке, как нелепо он выглядит в одеждах, сшитых, чтобы подчеркнуть красоту эльфов.

Двое других людей, мужчина и женщина, были одеты не так вычурно.

— Добро пожаловать, Брендон, Вайолет, Магари, — певуче произнесла женщина, улыбаясь.

Поприветствовала она нас по высшему разряду: в мире фейри считается уважительным только обращение по имени. Лишь тех, кто не заслуживает внимания или уважения, называют по принадлежности

к
дому, по фамилии.

— Время в каждом из холмов течет по-разному, поэтому давайте как можно скорее разберемся с формальностями. Я Идберга, человек-представитель холма Ллвид. Мы хранители знаний и реликвий фейри, и будем рады принять у себя вас, Брендон.

— Я... рад, — выговорил Лют с придыханием. То ли улыбка Идберги его очаровала, то ли он снова начал «уплывать». — Очень... рад. Это... большая честь... для меня.

— Я Гаррет, представитель холма Кинни, — заговорил мужчина. — Мы наслышаны о том, что вы, Вайолет, преуспели в искусстве умножать и сохранять красоту. Мы хотели бы узнать ваши секреты и готовы поделиться нашими.

Рини Фенн, в отличие от рина Люта, не растерялась от радости (не уверена, что вообще есть вещи, которые могут вывести ее из себя). Она

учтиво ответила Гаррету:

— Рада принять ваше приглашение.

Эльфы из Кинни некогда сводили людей с ума, открывая им свои прекрасные лица. Красота, способная убить — это как раз про них. Но,

в общем, они благие, так что про смерть я преувеличила. Логично, что Вайолет, занимающаяся косметикой, определили к эльфам-красавчикам, а Брендона, библиотекаря, пригласили к тем, кто хранит знания. А меня, журналистку, куда отправят?

Не без досады я посмотрела на рыжего. Гостей трое, и встречающих трое... Жаль, я бы другого встречающего предпочла.

— Я представляю Неблагой двор, — просто сказал он. — Мы ждем вас, Магари.

Это шутка?

— Неблагой двор? — переспросила я, надеясь, что мне послышалось.

— Да, — улыбнулся рыжий.

— Когда людей приглашают в холмы, подразумевается, что их приглашают ко Благому двору, — неожиданно подал голос рин Льют.

— Что вас так удивляет? — ответил рыжий любезно, но все равно как-то свысока. — Неблагодвор взял курс на возобновление отношений с людьми. Первое, что хотим — искоренить страх перед небагими. Люди сочиняют всяческие страшные небылицы о них, а Магари одна из тех, кто эти небылицы сочиняет. Мы читали ее статьи и решили, что ей хватит смелости побывать при нашем дворе и осветить

его в прессе в истинном свете.

Неблагодвор читали мои статьи... Это невозможно, это какой-то сюр. Эльфы, в принципе, не читают наши книги, прессу, так как считают

нас, людей, не способными сохранять информацию верной.

Мне захотелось провалиться сквозь землю от стыда. В штат

«Сверхов» меня приняли после того, как я продала им статью про небагих

и их причуды. Статья

получилась короткой, несерьезной, зато веселой. Это даже не статья была, а так, заметочка... шутка. Откуда мне было знать, что эта шутка дойдет до небагих? Тысячи и тысячи людей писали подобные вещи, и ни одного к ответу не призвали!

— Испугались, Магари? — насмешливо спросил рыжий. — Тогда откажитесь от приглашения. При Неблагодворе опасно проявлять страх.

— Знаю, читала, — автоматически ответила я.

Неблагодвор очень, очень редко приглашают к себе людей, потому что слишком долго мы для них были пищей, утехой, игрушками, кем угодно, но только не личностями, с которыми стоит считаться. Тот же

рыжий наверняка служит им не одну сотню лет, ведь «новеньких» темные не принимали давно. Можно представить, как взбесится пресса, когда узнает, что меня пригласили темные: «Магари Кинберг

— гостя Неблагодвора!».

Здравомыслящий человек отказался бы от приглашения, но я имею слабость быть еще и порядочной. Нужно отвечать за свои слова, особенно, если эти слова были напечатаны. Обреченно вздохнув, я сказала:

— Согласна.

Глава 4

Такого поворота не ожидали.

– Уверены, Магари? – спросила Идберга, все это время наблюдавшая за мной. – Неблагой двор... своеобразен, не говоря уже о том, что давненько они не приглашали людей. Мы можем забрать вас в

Ллвид вместе с Бренденом.

– Спасибо, но я приму приглашение неблагих. Хочу узнать, почему мои статьи сочли небылицами.

– Вы смелая девушка, Магари, – сказал Гаррет.

– Дело не в смелости.

– Время благих на исходе, – напомнил рыжий и выразительно посмотрел на представителей Кинни и Ллвид. – Вы должны вернуться в свои холмы.

– Это так, – вздохнула Идберга, и, подарив мне ободряющий взгляд,

позвала Льюта: – Нам пора, Брендон.

– Вайолет, – обратился и Гаррет к своей подопечной.

Молодая женщина кивнула ему, склонилась ко мне и шепнула:

– Вы совершаете большую ошибку. Лучше отправляйтесь с Бренденом в Ллвид, к знающим. Вам даже не назвали холм, в который приглашают. И этот рыжий мужчина не представился. Здесь что-то нечисто.

– Фейри не лгут, и нам обещали безопасность, – ответила я так же, шепотом.

– Как знаете, – протянула она, и я поняла, что ее совет связан не с тем, что она беспокоится за меня, а с тем, что она боится, как бы я не стала персоной более популярной, чем она, когда мы вернемся из холмов.

Отстранившись, Вайолет сказала нам с Бренденом:

– Удачи. До встречи через три месяца.

– Да, удачи вам, рини, – поддакнул библиотекарь. – Вам, Магари, особенно.

– А вы больше смотрите по сторонам, а не в книги, рин Льют, – улыбнулась я.

Он махнул на меня рукой – глупости говорите! – и подошел к

Идберге. Та повела его влево от беседки, по дорожке. Гаррет, взяв под руку Вайолет, повел ее вправо.

Нам же торопиться было ни к чему, потому что наступало время неблагих. Рыжий проследил, куда уходят остальные, и, когда они пропали из виду, повернулся ко мне. Сложив руки на груди, он внимательно изучил мой наряд.

— Туфли запачканы, — заявил он после осмотра, и вдруг ухватил бесцеремонно

за талию, поднял и усадил

на ограждение беседки.

— Что вы делаете? — возмутилась я.

— То, что не удосужились сделать вы, — ответил рыжий и, ставив с моей ноги туфлю, стал оттирать с нее грязь рукавом своего кафтана. Я заметила, что грязь с туфли исчезает, но не появляется на рукаве, и это маленькое чудо отвлекло меня от возмущений.

— Не пачкается, — завороченно проговорила я.

Закончив с туфлей, рыжий надел ее мне на ногу, спустил с ограждения и обошел кругом. Я холодно спросила:

— Теперь вы довольны осмотром?

— Нельзя являться на праздник в неподобающем виде, — в тон мне

пояснил он.

Понимаю. Но все же, совершенно необязательно было вот так хватать меня за талию.. Если он хотел привести мой вид в порядок и почистить туфлю, я могла ее снять и передать ему.

Как вообще это рыжее недоразумение получило должность человеческого

представителя? У него для этого нет даже

элементарных

понятий о приличиях. Никогда не забуду, как он приложил меня дверью...

— В какой холм мы отправимся? — строго спросила я.

— В Файдкамен.

Файдкамен... «Железный» холм, в котором живут эльфы, обладающие магией умирять металл и вплетать в него чары. Холм кузнецов, которые изготавливают смертельное оружие и броню, защищающую от него. Холм воинов, которые искусно владеют этим оружием. Вот, собственно, все, что я знаю о Файдкамене.

— Идемте, — рыжий предложил мне руку, и я приняла ее после секундного колебания. Не время выказывать ему свое «фу». Да и

поскользнуться

золотой листве не хотелось бы.

на этой красивейшей

Какое-то время мы шли молча. Я смотрела по сторонам, запечатлевая в памяти то, что вижу, но скоро эта однообразная красота стала навевать на меня скуку. Роскошный разноцветный лес и золотое свечение — это, конечно, восторг. Но мой извращенный человеческий ум не мог смириться с совершенством и требовал чего-то несовершенного. Например, неплохо вписался бы в картину несимпатичный пенёк или корявый куст, а еще лучше, чтобы по пути встретился кто-то из фейри.

Я покосилась на рыжего раз, другой, и когда мое любопытство окончательно

победило неприязнь, спросила:

— Как вас зовут? Вы так и не представились.

— Ириан.

— Это эльфийское имя, — удивилась я. — Вы приняли его, потому что живете в холмах?

— Этим именем меня нарекла мать.

Я сочувственно посмотрела на мужчину. Матери еще и не так могут выделиться, когда выбирают имя ребенку. Если бы его не назвали эльфийским именем, он, может быть, не вырос напыщенной пародией

на сидхе.

— Давно вы живете при Неблагодворе?

— Давно.

— Нравится? — с вызовом спросила я, зная, что иного ответа, кроме как «да», не существует.

— Вы задаете много вопросов, Магари.

— Профессиональная привычка. Кстати, помню, вы искали дару своему господину. Нашли?

Рыжий как-то странно усмехнулся и ответил:

— Нашел.

— Правда? В каком городе? В Вегрии, или в другой стране?

— В Кэнтоне.

— В Кэнтоне? Но дядя... то есть рин Кинберг, вам всех

кэнтонских кандидаток показал. Вы все-таки в другое бюро обратились? Кто этот ушлый друид, который нашел вам дару?

– Я решил обойтись без друидов и нашел ее лично.

– Поздравляю, вам удалось практически невозможное, – иронически сказала я. – Только друид может узреть истинную красавицу. И вообще я всегда сомневалась, что человеческие девы,

достойные взгляда эльфа, существуют в реальности. Им место в сказках, легендах и преданиях старины.

– В реальности они тоже встречаются. Нужно только хорошенько поискать.

– Хорошо вас отблагодарили? О щедрости эльфов ходят легенды.

– Пока не отблагодарили.

– Что так?

– Мы только идем к моему господину, – заявил Ириан, остановился и вплотную посмотрел на меня.

На ум мне пришел новый вопрос, но тут же застрял в горле сухим комком. Наконец, я сообразила, на что он намекает. И поняла, почему тогда, в Бюро, этот мерзкий Ириан так долго меня рассматривал... А еще дядины опасения... мое неосознанное волнение... Чем была забита моя голова, что я не придала всему этому значения?

Сладкий воздух волшебной страны показался мне горьким, красота вокруг обернулась уродством. Сама, по доброй воле, да еще и с апломбом, я пошла в ловушку! Фейриолог... как же! Дурочка наивная!

Рыжий участливо осведомился:

– Вам нехорошо?

– Плохая шутка, – выговорила я с надеждой. Может, он и правда шутит?

– Никаких шуток, Магари. Из вас получится прекрасная дара.

Я высвободила руку и отошла от этого трижды мерзкого рыжеволосого

гада с эльфийским именем.

– Вы заманили меня сюда, чтобы свести со своим господином?

– спросила хмуро. – Не из-за статей?

– Из-за статей тоже. Вы посредственная писака, не разбирающаяся в том, о чем пишете, но у вас ладная фигурка и невинное личико. За это вам любую писанину простят.

Он себе не изменяет: с каждой секундой становится противнее.

– Вот, значит, как? Имейте в виду, что никакие эльфы мне не интересны. То есть интересны, конечно, но в сугубо научном плане. К тому же я несвободна, у меня есть жених.

– Вы не замужем, значит, свободны.

– Не хочу спорить с вами. Ведите меня к порталу, я хочу вернуться, – потребовала я и зашагала к месту, откуда мы пришли, но

одна – Ириан остался на месте.

Обернувшись, я гневно сказала:

– Что вы стоите? Ведите меня обратно, обманщик!

– Никто вас не обманывал. Вы приглашены к неблагим сроком на три месяца как фейриолог. Это официальная договоренность. А неофициально вот что произойдет: вы познакомитесь с моим господином, влюбитесь в него, и забудете про своего жениха.

– С чего вы взяли, что я влюблюсь в какого-то там эльфа?

– Он не «какой-то там эльф», а сидхе. Вы не устоите перед ним.

– Сидхе запрещено воздействовать на людей.

– Он не будет воздействовать. Вы влюбитесь потому, что он – это он. – Ириан примирительно улыбнулся, шагнул ко мне и вкрадчиво произнес: – Чем вы так недовольны, Магари? Я сделал вам лучший из комплиментов, выбрав из тысяч девушек.

– Чем недовольна? Вы издеваетесь?!

– Вам выпал невероятный шанс. Только представьте, какая жизнь вас...

– Вы ошиблись! – возразила я, прервав его. – Посмотрите на меня внимательнее. Разве способна я очаровать сидхе? Мне двадцать шесть лет, я старовата для дары. Не красавица. Характер скверный. Писака посредственная, как вы и сказали, да и из талантов только способность ударяться пальцами о ножки табуреток. Ириан, подумайте хорошенько, разве подхожу я на роль дары?

Кивнув, он со смехом произнес:

– Подходите.

– Но почему? – искренне удивилась я. – У меня куча недостатков!

– Как и у всех людей, – отмахнулся от моих слов рыжий и, склонившись ко мне, пояснил: – Самым важным качеством дары вы обладаете.

– Что же это за качество?

– Вы забавная.

– Забавная? – возмутилась я.

– Да. Идемте, – Ириан снова попытался взять меня под руку. – Скоро начнется праздник.

– Не пойду, – сказала я, пряча руку за спину, и, вздернув подбородок, спросила: – Вы же не будете меня здесь удерживать

против воли?

– Нет.

– Тогда ведите обратно, к арке. Я вернусь в мир людей.

– Вернетесь, – кивнул Ириан. – Через три месяца. Согласно договору.

Он прав, договор есть договор, а формально меня не обманули. Я могу, конечно, настоять на своем и вернуться, но пресса просто на части меня разорвет, и прослышу я на всю Вегрию тупицей, которая упустила возможность изучить темный двор. К тому же, я должна ответить за свои статьи о неблагих: если в них я что-то недостоверно описала, то обязана написать опровержение.

– Хорошо, – сдалась я. – Пойду. Но имейте в виду – буду заниматься только тем, что указано в приглашении: собирать материал о неблагих. Про идею свести меня с кем-то из сидхе забудьте. Для меня существует только мой жених.

– Вы никогда не видели сидхе, – пренебрежительно проговорил Ириан,

– поэтому не понимаете, что выбора у вас нет.

– Вообще-то видела. На гравюрах в манускриптах Инквизиции, в книгах Ордена Сопротивления, в поучениях друидов.

– Когда увидите вживую, вмиг забудете про своего никчемного карлика.

– Про какого еще карлика?

– Про вашего жениха.

Я залепила рыжему такую крепкую пощечину, что онемела ладонь.

Ириан, чья голова откинулась в сторону от силы удара, медленно повернул ко мне лицо. Я заметила, как быстро наливается краснотой след от моей ладони на его белом лице, а еще то, какой жутью наполнились

его мерклые серые глазищи.

По опыту знаю, что связываться с такими гнилыми типами себе дороже, но иначе я поступить не могла. Этот хам исчерпал мое терпение! Сначала дяде все нервы вымотал, потом провернул «аферу» с приглашением, да еще и Дюка моего «карликом» назвал! И где только он успел его увидеть?

– Еще раз позвольте себе такое, – отчеканила я, – и пощечиной не

ограничусь.

Ириан поднял руку (неужели ударит в ответ?) и... провел по месту удара. Опустив руку, он спросил холодно:

– И что же вы сделаете? Убьете?

– Сделаю больно. Так же, как вы сделали мне сейчас.

Улыбка его была неожиданной, и я испугалась ее не меньше, чем испугалась

бы открытой угрозы.

– Вы действительно забавная. Это хорошо.

– А вы на редкость противный и невоспитанный тип.

– Придется потерпеть, – сказал он и взял меня под руку.

Я попыталась освободиться, но он удержал меня, и между нами снова сгустилось напряжение. О, Богиня, что за человек! Я его почти не знаю, а уже терпеть не могу!

– Прекратите лезть в мое личное пространство, – чопорно сказала я, вспоминая указания о том, как рини следует вести себе с нахалами.

– Будь я галантным и красивым, вы бы не протестовали, – усмехнулся он и повторил: – Придется потерпеть. Я за вас отвечаю, и буду делать то, что сочту правильным, хотите вы этого, или нет.

С этими словами несносный рыжий провел меня шагов на десять вперед, и остановился. Затем взглянул откровенно издевательски и спросил елейно:

– Позвольте нарушить ваше личное пространство?

– Нет, – сердито сказала я, чуя очередную подлянку.

И подлянка не заставила себя ждать! Ириан притянул меня к себе, самым неприличным образом прижал и крепко обхватил за талию. А потом топнул ногой, и земля под нашими ногами разверзлась.

Я бы закричала, да крик застрял в горле; испугалась бы, да испуг съело

стыдливое и почему-то волнительное чувство.

Падение было кратким, и я успела понять лишь, что золотой свет сменился полумраком, а под ногами появилась опора. Ириан, посмеиваясь, проговорил:

– Вы меня сейчас задушите.

Я осознала, что от неожиданности всем телом прикинула к рыжему и сильно сжала его руками. Волна испепеляющего стыда прошла по всему телу, и я, покраснев до корней волос, разжала руки и отошла от него.

– Надо было предупредить, – сердито выговорила я, смущаясь под взглядом рыжего и ощущая себя в этот момент не на серьезные двадцать шесть, а на сопливые шестнадцать. – Люди, знаете ли, не каждый день сквозь землю проваливаются. А если бы меня хватил сердечный

приступ?

– Вы бы умерли.

– Вот именно! А мне обещали безопасность в холмах.

– Нигде не безопасно, Магари. Идемте.

Он подошел ко мне, но на этот под руку брать не стал (хорошо!), и даже снизошел до объяснений:

– Добро пожаловать в холм Файдкамен. У холма есть двери, но через них можно только выйти. Чужак не сможет войти к нам без приглашения, один, а жители холма легко в него попадают.

– Например, проваливаются в него, – съязвила я.

– Не проваливаются, а спускаются. Нужно только знать, где.

Идемте. Праздник в разгаре, полночь близится. Ах да...

Он достал откуда-то из-за отворота кафтана золотой кругляшок на цепочке.

– Наденьте.

– Это оберег гостя? – спросила я, приглядываясь к украшению.

– Да. Знак, что вас нельзя трогать.

Я взяла оберег без опасений и надела. Проведя пальцем по совершенно гладкой поверхности украшения, и вспомнила о ритуале защиты, который провел дядя. Если и есть в этом так называемом обереге какие-то чары, то защита должна сработать.

Ириан пошел вперед, и я, все еще недовольная, все еще смущенная, и не знающая, чего ожидать, пошла за ним. Мир фейри... холм... неблагие... неужели я и правда здесь? Неужели мне все это не снится?

Мы провалились сквозь землю, буквально провалились в холм, но, задрав голову, я не увидела ни сводов, ни потолков, и, конечно, не увидела стен. Только падал откуда-то чарующий ровный свет, который нельзя назвать ни вечерним, ни дневным. Ни светло, ни темно, ни холодно, ни тепло, границ нет... и границы есть. Бесполезно искать логические объяснения. Каждый холм – это отдельный мир со своими законами и чудесами, и никакая наука не растолкует, что здесь к чему.

Ириан свернул к широкой, выложенной камнями дороге, и я за ним. Ступив на дорогу, я ощутила волнение, сплетенное с восторгом и приправленное перчинкой страха. К каменной дороге с обеих сторон подступал густой темный лес. Высокие деревья с черными стволами угрожающе качали ветвями, с которых еще не опала тусклая листва, устрашающе поскрипывали, шелестели, и слышался в этом шелесте-шорохе призыв войти... О, как не похож этот угрюмый лес на тот золотой, что встретил меня после перехода!

– Страшно? – поинтересовался Ириан.

– Интересно, – возразила я.

– А на коже мурашки... – проговорил он, посмотрев на мои руки.

– Это от восторга.

– Интересно, что станет с вашей кожей, когда вы увидите остальное, – улыбнулся он, и меня покорило.

Большинство людей улыбка красит, но есть личности вроде этого Ириана, которых улыбка делает еще более неприятными. Я так ничего не ответила, и он перестал на меня смотреть. Мы продолжили идти по дороге, но уже в молчании. От дороги стали расходиться тропки, ведущие в лес, и сам лес постепенно редел, уходил влево, открывая все больше открытого пространства, залитого сумеречным светом. Появился слабый ветерок, ласково прошелся по моей коже и принес отголоски чьего-то смеха.

Ириан вдруг взял меня за руку и свернул с дороги; его властное прикосновение заставило меня вздрогнуть. Он обходится со мной, как с неразумным животным, помыкает, как лошадью, дергая туда-сюда.

— Вам что, доставляет особенное удовольствие вот так внезапно меня

хватать?

— Да, — ухмыльнулся он.

— Вам было бы полезно пожить среди людей, набрались бы хороших манер, — проворчала я, решив на будущее не обращать внимания на его поведение. Он потерян для человеческого общества, и ему самое место среди неблагих. Не буду больше на него распыляться... и надеюсь, за эти три месяца мы будем видеться не часто.

— Забудьте о людях, — бросил Ириан, таща меня за собой в кусты. — Подумайте лучше об эльфах. В этом году король Неблагого

двора встречает Самайн в Файдкамене. Здесь соберется вся наша знать, чтобы выказать королю Зимы уважение и преподнести дары. Сегодня каждому подданному разрешено обратиться к нему с просьбой. Вам очень повезло, Магари, вы увидите, как мы празднуем эту ночь. И вы увидите короля...

Увлеченная словами рыжего, я даже не стала ругаться, что мы пошли напрямую через кусты, тем более что эти самые кусты услужливо расступились перед нами. Ни одна веточка не зацепилась за мое платье, ни одна не дернула за волосы... Опираясь о руку Ириана, я безо всякого ущерба вышла из кустов, машинально проверила, не растрепался

ли мой пучок, подняла взгляд и замерла на месте.

Глава 5

Передо мной раскинулось кажущееся безграничным поле, заполненное небагими фейри самых разных видов. Взгляду открылось так много интересного, что я не смогла сразу определиться, на что сначала смотреть.

Несколько троллей бродили по полю, возвышаясь над всеми. Издалека они выглядели, как темные неповоротливые фигуры. Они медленно, горбясь, брели в толпе и позволяли фейри поменьше безнаказанно на себе лазить и дергать за спутанные космы. Подбором одежды эти господа не озадачились и явились на праздник нагими, выставя напоказ серую бугристую кожу и к-хм... кое-какие анатомические подробности.

Будучи хорошей девочкой, я отвела взгляд и стала рассматривать гоблинов. Вот они-то все выглядели по-разному: высокие, низкие, с серой, зеленоватой или болезненно-белой кожей, покрытые шерстью и лысые, тощие и толстые, ушастые и безухие, глазастые и безглазые, клыкастые, чешуйчатые, хвостатые... Они скакали вокруг многочисленных костров, жарили мясо на вертелах, лакали какое-то питье из грубых кружек или прямо из бочек, и производили много шума своим стрекотом, шипением, клацаньем зубов, рывканьем... Среди всей этой шумной толпы выделялись крупные, свирепого вида гоблины в красных колпаках, держащие в руках шипастые железные дубины. Этими дубинами они отпихивали в сторону мелких гоблинов, которые преграждали им путь.

— Как много гоблинов, — шепнула я, обретя дар речи.

— Они всегда являются такой толпой. Пойдемте к ним.

— К ним? — ужаснулась я.

— Не бойтесь, они вас не тронут. Вы гостя.

— А... можно их обойти как-нибудь?

Рыжий покачал головой и потребовал мою руку. Выбора у меня не было, поэтому я вложила свою ладонь в его крепкую ладонь и, собравшись с духом, пошла за ним к гоблинам.

Нас уже заметили, но, как ни странно, никто не удивился моему появлению. Так, поглядели да отвернулись. Я подивилась такому

равнодушию и только хотела спросить у рыжего, в чем дело, почему они

на меня не реагируют, как кто-то маленький пискнул:

— Человеком пахнет!

Я тут же вспомнила, что феи не придают значения облику, ведь они мастера его менять, и полагаются на запах. После этого

«Човеком пахнет», гоблины стали принюхиваться, морщить носы, пробовать воздух языками, и потянулись в мою сторону.

— Человек! — рывкнул гoblin с пастью, полной зубов, и щелкнул

ими.

Я вздрогнула и прижалась к Ириану, но тут вспыхнул

спасительным ярким светом мой оберег, ослепил толпу, и гоблины попятились, заворчали разочарованно...

Шагая, я проговаривала про себя мантру: «Ты в безопасности, в безопасности»... Мантра совсем не помогла, зато помогало то, что Ириан отшвыривал ногой тех надоедливых гоблинов, которые норовили подлезть ко мне, тронуть, пощупать... Кажется, я переоценила свое самообладание! Но как, скажите, остаться спокойной, когда целая толпа гоблинов принюхивается, насккивает, пытается пощупать, и только один тощий рыжий да простенький оберег отделяют меня от них?!

— Они всегда так на людей реагируют? — уловив момент, дрожащим шепотом спросила я.

— Нет, только на аппетитных девушек, — поддразнил меня Ириан.

— А оберег хорошо работает? — уточнила я с нотками паники в голосе, надеясь, что вон тот громадный гоблин с наростами на морде достаточно мозговит, чтобы отойти... Мои надежды не оправдались: гоблин не отошел и, тупо тараща глаза, попер на нас. К счастью, сначала его ослепил оберег, а потом окончательно присмирила железная дубина одного из подоспевших красных колпаков.

— Гость неприкосновенен! — рокочущим голосом объявил красный колпак и взмахнул дубиной. Гоблины взревели; кто-то яростно защелкал зубами, но закон никто нарушать не стал. Еще двое красных колпаков пошли к нам, чтобы сопроводить. Вблизи они выглядели еще жутче, но, по крайней мере, казались не такими тупыми, как остальные.

— Красные колпаки — элита гоблинов, — пробормотала я цитату преподавателя

по культуре фейри.

— У них ума побольше, чем у прочих гоблинов, так что можно и так сказать, — безразлично ответил Ириан и свернул в сторону, где этих самых гоблинов было поменьше, и где лежал у костра огромный пес с зеленой шерстью и хвостом, свернутым кольцом.

— Ку ши! — выдохнула я, и пес посмотрел на меня большими умными глазами, зелеными, как и его шерсть.

— Было время, — проговорил Ириан с легкой ностальгией, — когда ку ши утаскивали к нам в холмы смертных женщин.

— К счастью, эти времена прошли.

— Ба! Это человечка?

Мы развернулись и увидели каргу. Не ведьму, которые встречаются у нас в Вегрии, а именно что каргу, ночную каргу, особый вид фейри.

Я уставилась на нее со страхом и восхищением. Высокая, худая, с

белыми всклокоченными волосами, в беспорядке лежащими на плечах и спине, с серой нездоровой кожей и с впалыми щеками она выглядела, как старуха. Но старость немощна, а карги очень сильны и бессмертны. Если ведьма обладает силой пяти человек, то карга – силой десяти. Я глянула на ее руки и увидела длинные подвижные пальцы с когтями. А ее глаза? У людей таких хищных желтых глаз не бывает. Одета эта красавица была в черное закрытое платье с длинными рукавами и воротником под горло. Странно... Фейри редко бывают безупречны, карги тем более, но мало кто из них стремится скрыть свои недостатки. Нас учили, что благие гордятся своей красотой, а неблагие – уродствами.

– Человечка, – повторила она скрипучим голосом, и впиалась желтым
взглядом в мое лицо. – Какая миленькая. Она
твоя, Ириан?

– Что ты, – усмехнулся он, – это гостья. Фейриолог.

– Эй, человечек, – улыбнулась мне карга, показав крепкие крупные зубы, и облизнулась, – ты так сладко боишься, что у меня слюнки
текут.

Я начала теряться перед ней, тонуть в испуге, и почувствовала, как трусливо мое сердце отбивает удары... А они, все они – гоблины, карги, тролли, ку ши – слышат это трусливый стук, чуют мой страх!

Горячие шершавые пальцы карги сжали мой подбородок.

– Человечек, – проговорила она назидательно, – ты наш гость,
и
мы тебя не тронем. Но знай, что мы не
уважаем тех, кто нас боится.

– Знаю, – пискнула я.

– Так развеяй страх, развеяй, человечек! – рассмеялась она, и так хлопнула меня по плечу, что я сдавленно охнула от боли. Дрянной оберег гостя почему-то не сработал...

Ириан счел разговор законченным и повел меня дальше. Чтобы пройти вперед, нам нужно было обойти мелких родичей гоблинов – боглов, которые собирали какие-то железные конструкции и расставляли их то тут, то там. Рыжий по широкой дуге обошел разбросанные железки, и, когда один пронырливый богл сунулся ему под
ноги и едва не уронил какую-то железную штуку, я заметила на его
лице

гримаску страха. Так-так. Ириан боится железа?

Еще несколько красных колпаков показались, поигрывая дубинами. Они следили за тем, как бы гоблины не прошли дальше, куда им не полагается, и не испортили стулья, которые собирали

боглы. Стулья эти были металлическими, со спинками и подлокотниками необычной формы, украшенными великолепными сложными узорами. Так сплести железо ни один кузнец-человек не в силах... Это сделали мастера Файдкамена. Я остановилась, завороженная красотой этих изделий.

– Нравится? – спросил рыжий.

– Очень красиво. Можно потрогать?

– Ни в коем случае. Эльфийское железо жжет людей.

– Жаль... – огорченно сказала я.

– Если так уж хочется, потрогайте, и посмотрим, что получится, – усмехнулся Ириан.

– Нет уж, спасибо. Я еще не сошла с ума.

– Все еще впереди.

– У вас, может быть, и впереди, но не у меня!

Что-то мелькнуло в глазах Ириана, усмешка пропала с его лица, и он отвернулся. Мы обошли стулья, но перед нами возникло новое препятствие. Стайка пикси вспорхнула с земли, встречая нас. После гомона, визга и шипения гоблинов их хрустальный смех показался мне музыкой. Феи-крошки закружились над нами, задевая невесомыми блестящими крылышками лица и волосы; одна феечка и вовсе села мне

на плечо.

– Девушка, девушка, – заговорили они тонкими сладкими голосками, – откуда ты?

– Познакомьтесь с Магари, нашей гостьей, – сказал Ириан. – Она приглашена на праздник.

– Магари!

– Мага-Мага! – засмеялся кто-то.

– Ты любишь книги, Магари?

– Расскажи что-нибудь!

– У тебя голубые глаза, как у благих!

– Можно я тебя поцелую?

Ириан снял с моего плеча феечку, которая хотела меня поцеловать, и та, обидевшись, укусила его за палец, причем укусила сильно, так, что кровь полилась обильным ручейком. Рыжий шикнул и подбросил

кусачую пикси в воздух. Она расправила полупрозрачные крылышки и, сморщив беленькое личико, бросила:

– Ириан злой!

– Злой, злой! – подхватили остальные, и закружились вокруг него

роем рассерженных пчелок.

– Кто это у нас злой? – спросил кто-то, и прошел к нам, отмахиваясь от летающих пикси.

Я забыла про пикси, про укушенного раздраженного рыжего, про все-все.

Эльф! Он был весь в черном, как и полагается в эту ночь, и темный шелк его длинных волос терялся на такого же цвета ткани кафтана. Высокий, изящный, как молодое деревце, он взглянул на меня с удивлением, и я утонула в бархатной мягкости его золотых глаз.

– Человек, – выговорил эльф чистым, упоительно мягким, завораживающим голосом. Я все еще тонула в его глазах, и заметила, как удивление в них сменилось радостью. – Человек!

– Это Магари, гостя, – подсказали ему пикси.

– Магари, – просмаковал он имя, и подался вперед. – Смертная...

– При Неблагом дворе много людей, – резко сказал Ириан, разрушая своим неприятным голосом волшебство момента. – Но они так давно среди нас, что мы их за людей уже и не принимаем. Что вы встали, как дурочка, Магари? Он ганконер.

Меня будто ледяной водой окатили, и я отошла на пару шагов назад. Эльф в моих глазах очень быстро растерял все свое очарование...

Ганконеры, или так называемые «ласковые любовники», это одни из самых коварных и жестоких эльфов. Они опаснее, чем инкубы, ведь им нужна не только похоть жертвы, им нужна ее любовь. Они добиваются любви смертных женщин, и, наевшись этой любви, оставляют жертву медленно угасать от неизбывной тоски. Спаситься от чар ганконера можно, найдя недостаток в его внешности или раскрыв его. Это единственные неблагое, которые болезненно воспринимают свое несовершенство, и в иерархии высших фейри занимают далеко не

высокое

положение.

– Придержал бы язык, – прошипел ганконер.

– Придержал бы гламур[2], – парировал Ириан.

Разозленный эльф развернулся и, даже не взглянув на меня снова, быстро ушел.

– Типичный ганконер, – сказала я, – прямо как по учебнику.

Если его раскрыть, сразу уходит.

– Неужели! – фыркнул Ириан. – В вас проснулся фейриолог? А я уж подумал, вы эльфу прямо здесь отдадитесь.

Я сделала вид, что пропустила эти слова мимо ушей, и ничего не ответила. Зато за меня ответили пикси, продолжив ругать рыжего:

– Ириан злой! Злой!
И ведь не поспоришь!

Пикси не пожелали нас оставлять и превратились в крылатый смеющийся эскорт. Когда ганконер ушел, Ириан повел меня к той части поля, в которой было меньше шума. Мы словно прошли невидимую границу и ступили на землю эльфов. Эльфов... После чар ганконера они показались мне слишком блеклыми, как люди, которые зачем-то нацепили на уши накладки и надели черное. Да еще и рыжий так торопился, что я толком никого не могла разглядеть. Зато меня разглядеть успевали, несмотря на мельтешащих вокруг пикси. Общее внимание ощущалось недобрыми, а то и сальными взглядами на коже. Я заметила, что и на рыжего смотрят недобро. Эльфы, в отличие от гоблинов и карги, ни разу не обратились к нему напрямую, не назвали по имени, дорогу не преграждали, но вслед несся шепоток: «Ириан»,

«смертная», «дар». Сочетание этих трех слов мне жуть, как не нравилось, но я успокаивала себя тем, что ношу охранный оберег.

Эльфы развлекались примерно так же, как и другие фейри – ели мясо, жарящееся на вертелах, пили из грубых кружек, стоя у костров, которые горели сами по себе, без дров, общались. Никто не разносил изысканных закусок, из еды было только мясо, которое брали голыми руками, и запивали рубиновым вином, которое то и дело проливали прямо в костры, чтобы те ненадолго вспыхивали алым. Все верно: пища неблагих в ночь Самайна должна символизировать плоть и кровь...

То тут, то там слышались взрывы смеха; на меня давила густая от предвкушения атмосфера праздника, чувствовалось, что это еще не настоящее празднование. Оно начнется в полночь, и рыжий очень хотел попасть к королю до этого момента. Он так спешил, что я не поспевала за ним.

– Дайте отдышаться! – попросила я, когда в боках закололо, и Ириан остановился. Но остановился он не по моей просьбе, а потому что перед нами встали двое сидхе, из одежды на которых были только свободного кроя черные штаны.

Высокие, широкоплечие, с золотистой кожей, под которой бугрились развитые мышцы, они были очень похожи внешне. Идеально вылепленные лица с крупными мужественными чертами, миндалевидные глаза цвета расплавленного золота, золотые же волосы, собранные в тяжелые косы до колен. И вязь татуировок на их коже тоже золотая... Они загородили нам проход, вытянув громадные мечи, на холодной стали которых плясали оранжевые отблески костров.

«Все правильно, — подумала я, сраженная великолепием сидхе,
— такие мечищи могут удерживать только такие ручищи».

Но на моего рыжего спутника, разумеется, они впечатления не произвели.

— Пропустите, — надменно потребовал он. — Падрайг лично разрешил
мне присутствовать на празднике.

— Ты не один, — густым низким голосом ответил один из сидхе. — С тобой смертная.

— Она тоже приглашена. Оберег для нее изготовил Падрайг.

Один из воинов поднял меч к самому моему лицу, и я увидела в нем собственное испуганное и искаженное отражение. Поддев мечом оберег, он пригляделся к нему золотыми глазами, опустил немного меч и вдруг резким неожиданным движением порезал кожу на моем плече.

Я испугалась до онемения, поэтому боли не ощутила. Кажущаяся очень яркой, почти неоновой кровь потекла по стали. Разговоры смолкли, пропал хрустальный перезвон голосов пикси. Все вокруг затаили дыхание. Кажется, я прохожу какую-то мудреную эльфийскую проверку. О, Богиня! Хоть бы дядя не ошибся! Если они прознают, что я вошла в холм с хитрой защитой друида, то прямо здесь меня и прирежут вот этим самым мечом...

Кровь стекла с меча на землю и впиталась в нее. Сидхе, опустив мечи, пропустили нас, но не пустили дальше наш летающий эскорт. Задержанные пикси начали громко и затейливо ругаться на «злых риоров». Когда мы отошли подальше, Ириан достал откуда-то из кармана очевидно заранее припасенный платок, и, перевязав порез на руке, остановил кровь.

— Мы на месте, — шепнул он. — Вы готовы, Магари?

Посмотрите.

Я проследила направление его взгляда. Там, впереди, рядами стояли стулья, те самые, которые так меня восхитили, и восседали на них не какие-нибудь рядовые эльфы, а сидхе, знатный Неблаготворный двор,

сливки

общества фейри.

«Сидхе позволено сидеть в присутствии короля», – вспомнила я и часто заморгала: взгляд затуманился. Но не от растерянности, как при встрече с гоблинами, и не из-за чар того ганконера. Сидхе – бывшие боги. Когда-то они были хозяевами нашего мира и безжалостно играли нами... и с нами. Друиды и инквизиторы до сих пор спорят, кто могущественнее – демоны высшего порядка или сидхе. Но могущество и тех, и других в прошлом. Теперь мир людей принадлежит людям, как и должно быть.

Сидхе сидели спиной к нам, и моему взгляду открыты были только густые холеные волосы самых разных оттенков, заплетенные в косы, убранные в хвосты или оставленные распущенными.

– У вас слезы текут, – обвинительно сказал Ириан, и взял меня за подбородок. Приглядевшись, он еще сердитее проговорил: –
Макияж

поплыл!

– Это все боги... то есть сидхе, – пробормотала я, продолжая зачарованно таращиться на высших неблагих. – Они такие... у них... вы чувствуете?

– Да-да, – кивнул рыжий, и стал аккуратно стирать пальцами тушь, которая осыпалась на мои нижние веки. – Так и должно быть. Присутствие сидхе поражает смертных в самое сердце. Бывало, люди эти самые сердца вырывали, чтобы вручить их сидхе. Но на вас оберег, вы

не умрете. И хватит уже плакать!

– Я не могу перестать... они так прекрасны...

– Тогда не смотрите на них, смотрите на меня.

Я с большим трудом перевела взгляд от прекрасных спин сидхе на далеко

не прекрасного рыжего. Сработало.

– Вы такой некрасивый, что у меня все как рукой сняло.

– Рад помочь, – прошипел он. – А у вас лицо опухло и покраснело. Вы в таком виде даже гоблина не привлечете!

– Я не собираюсь никого привлекать, поймите уже, наконец!

Ириан пропустил мои слова мимо ушей, еще разок на меня критически

посмотрел, после чего сдался:

– Ладно, с этим ничего не поделаешь... Идемте к королю. И помалкивайте, пока он с вами сам не заговорит.

...Как мы дошли до короля, я плохо помню. Со мной случилось что-то странное и необъяснимое. Когда мы пошли мимо сидящих придворных к трону короля, у меня из глаз снова потекли слезы, да так обильно, что мигом промок лиф платья. Но это не все: тело ослабело, ноги стали подгибаться, руки задрожали, и рыжему пришлось поддерживать меня за талию, чтобы я не рухнула. А эта головная боль! Она напала на меня внезапно, безо всяких причин, и сразу так глубоко вгрызлась, что перед глазами заплясали светящиеся искорки, которые случаются

обычно после продолжительной мигрени.

Вот такая плачущая, с мокрыми пятнами на лифе, со шмыгающим носом, с мигренью и трясущимися руками, я впервые предстала пред очами короля Неблагого двора.

— Приветствую тебя, Элидир, король Неблагого двора, повелитель Зимы, Душа ночи, и склоняюсь в глубоком почтении, — сильным, звучным голосом, будто не своим, поприветствовал его Ириан, и склонился в поклоне. Мне тоже пришлось склониться, и я проделала это с грацией наклюкавшегося алкоголика.

— Давно ты не показывался, Ириан, — прозвучал звенящий хрустальный голос, от звуков которого по моей коже побежали мурашки. — Я рад видеть, что ты ожил, и пришел на праздник. Да не один,

а со смертной. Зачем она здесь?

— Ты хотел знать, почему люди до сих пор боятся неблагих. Я привел человека, который сможет ответить на твои вопросы. Это Магари Кинберг, фейриолог и журналистка. Она здесь, чтобы узнать правду о нас и рассказать ее другим. Слишком долго наш двор не принимал гостей.

— Не тебе судить об этом, — ответил король. В этот раз в его голосе

не хрусталь звенел, а лед слышался.

Король Элидир обратил взгляд на меня. Он ощущался, как холодок, как укусы морозного воздуха в лютую зиму, как лед, скользящий по коже; я удивилась тому, как много разных ассоциаций рождает одно только его присутствие, и ощутила едкий вкус желчи на языке. Головная боль стала совсем нестерпимой.

— Смертная, — приказал король, — посмотри на меня. Рыжий поднялся сам и меня поднял.

Я взглянула на короля.

Снежно-белая кожа, правильные удлиненные черты, тонкие, красиво очерченные бледно-розовые губы, большие, широко

расставленные глаза — не золотые, как у большинства сидхе, но цвета чистого серебра. Волосы, белые и прямые, лежат шлейфом около трона, и блестят, как снег под солнцем. Совершенен, холоден и отстранен...

Тут случилось ужасное. То ли головная боль доконала меня, то ли божественность сидхе, но я перестала владеть своим телом и меня самым позорным образом вырвало. Изрыгнув содержимое желудка, я повисла на ошарашенном Ириане и машинально вытерла губы тыльной стороной ладони.

Определенно, впечатление я произвела...

Глава 6

В воздухе повисло тяжелое молчание. Стало очень, очень холодно... Мое лицо онемело от отвращения короля, обернувшегося трескучим морозом. Так его еще никто не «приветствовал»... Замерзающие слезы стянули кожу на лице. Я шевельнулась, и поняла, что

мое платье все покрылось инеем. Кинув панический взгляд на рыжего, я увидела, что он тоже весь заиндевел. За какое-то мгновение мы оба так отмерзли, что даже не могли дрожать.

О, Богиня! Эдак нас до смерти заморозят!

Ириан упал на колени, и дернул меня за собой. Наши одежды эффектно

хрустнули.

— Мой король, не гневайтесь! — надтреснутым голосом взмолился

он. — Смертная так впечатлилась вами, что...

— Отвратительно, — бросил Элидир. — Уведи ее.

— Но мой король...

— Ты противишься моей воле?!

Поскрипывая, рыжий встал, потянул меня за собой и повел мимо сидящих сидхе с вытянутыми лицами. Казалось, мы шли вечно, и, казалось, все сильнее нас сковывает холод... Когда мы оказались вне поля зрения короля, холод немножко отпустил и стало лучше, и я смогла сделать первый нормальный вдох. Эльфы столбенели в изумлении, таращась на нас, заиневших. Ириан прошел к ближайшему костру, уселся прямо на землю, и уставился ничего не видящими глазами

в пламя.

Я же просто протянула руки к огню, отогреваясь.

Видя, что мы испытали на себе злость короля, эльфы отошли подальше, чтобы самым ненароком не пострадать, и зашушукались. Жар костра быстро растопил иней на моей коже, и я из хрустящей снова стала мокрой. Оттирая влагу с лица, я косилась на Ириана. Бедняжка превратился в плачущего каменного истукан. Конечно же, он на самом деле не плакал, это тающий иней создавал такое впечатление. Ириан казался таким потерянным, что я невольно испытала к нему жалость.

– Послушайте, – проговорила я подбадривающе, – не надо так переживать.

Зря я заговорила! Рыжий медленно-медленно повернулся ко мне, и я поняла, что меня сейчас будут убивать. Подняв непроизвольно руки, я продолжила говорить успокаивающим мягким голосом:

– Это случайность... не надо так реагировать...

– Ты. Виновата, – процедил он, так же медленно поднимаясь.

– Я?! Нет, вы! Вы меня сюда затащили и к королю повели! А я вам сразу сказала, что эту глупая затея! Ириан... вы что? Ириан, остановитесь!

Увещевать человека в таком состоянии бесполезно, и я сочла за благо смыться. Развернувшись, я шмыгнула в толпу эльфов, а они, вместо того чтобы защитить гостью, разошлись, стали отталкиваться от меня в сторону, как одноименно заряженные полюса магнита.

– Это недоразумение! – прячась за очередным эльфом, крикнула я.

– Ты все испортила! – взревел рыжий яростно, и, судя по голосу, он был близко. Я резво подбежала к следующему костру; Ириан за мной. Мы стали носиться кругами вокруг костра, развлекая окружающих игрой в догонялки.

– На мне оберег! – запыхавшись, крикнула я и предприняла обманный маневр, чтобы вырваться из порочного круга... не получилось. Вместо того чтобы ускользнуть от Ириана, я столкнулась с ним лицом к лицу.

– Н-не подходите, убьет, – предупредила я и сжала кругляшок оберега в руке.

– Подойду, – прорычал рыжий, – убью.

– Стой! – раздался повелительный голос.

К нам в спешке подошел эльф, обычный эльф, не сидхе. На нем были длинные струящиеся черные одежды, которые при движении дивно шелестели и красиво собирались в складки. Сам эльф был умеренно длинноволос – его каштановые волосы спадали всего-то до талии, смугл, приятен лицом и кареглаз.

– Ириан, – повторил он, – успокойся.

Рыжий шумно, резко выдохнул, и выплюнул зло:

– Шанс упущен!

– Шанс еще есть. Произошло недоразумение, – отмахнулся эльф и взглянул на меня. – Я Падрайг, придворный маг. Как ты себя чувствуешь, Магари? Не застудил ли королевский холод твое слабое сердце?

– Отогрелась, – сказала я, и спросила, помня о том, что к фейри надо всегда обращаться на «ты»: – Почему ты считаешь, что у меня слабое сердце?

– Потому что ты смертная, – с легким пренебрежением ответил маг.

– Позволь, я осматрю тебя.

Я кивнула и оставила оберег в покое, опустив руку. Маг подошел, взглянул в мои глаза, которые щипало от смазанной туши, на платье, превратившееся

в мокрую тряпку, и обошел кругом.

– Ничего, – сказал он, закончив с осмотром, и обратился к рыжему: – На смертной нет никаких чар. То, что произошло, не ее вина. Никто не хотел оскорблять короля, и я как можно скорее сообщу ему об этом. Ты еще сможешь вернуть его расположение.

– С ней все было в порядке. И вдруг такое!

– Реакция смертных на сидхе непредсказуема, – пожал плечами Падрайг. – Особенно при первой встрече. Не злись понапрасну, Ириан, это случайность, хотя и неприятная.

– Неприятная? Фатальная! Я так долго ждал шанса... искал лазейку...

притащил вот эту, – (я поморщилась), – к нам, и прогадал!

– Даже если твоя затея увенчалась бы успехом, Ириан, король не смог

бы снять с тебя проклятья, потому

что не эльфы его наложили.

– Не эльфы, не демоны, не друиды... Тогда кто? Кто?

– У меня нет ответа, – скромно ответил Падрайг.

– Лучший из наших магов не может дать ответа... – с горечью сказал

рыжий. – Я проклят навечно.

Падрайг ничего не ответил, но в его глазах я заметила искреннее сожаление. Он поднял руку, и в ней появилась чаша из черепа, украшенная золотом и драгоценными камнями.

– Выпей, умерь тоску, – он протянул чашу рыжему.

Тот отказываться не стал – принял чашу, и в один присест выпил все, что было в ней. Тонкие струйки вина потекли по его подбородку, шее, пропитали черный кафтан. Поблагодарив мага кивком, Ириан вернул

ему чашу.

– Это чаша из человеческого черепа? – не удержалась я.

– Да, – любезно ответил Падрайг и, любуясь сей занятной вещицей, с гордостью объяснил: – Это череп одного из друидов.

Мне снова поплохело. Откашлявшись, я переспросила:

– Череп друида?

– Да. У меня таких много.

– И все черепа друидские?

– Да.

– Можно узнать, как именно к тебе попали эти черепа?

– Обыкновенно. С головами.

– Ты убивал друидов!

– Магари! – прорычал рыжий. – Молчи!

– Сам молчи! – огрызнулась я, решив не тешить больше его самолюбие уважительным человеческим обращением на «вы», и прямо спросила мага: – Ты убивал наших друидов, да еще и коллекционировал их черепа?

Падрайг, наконец, понял, что меня так возмутило, и, улыбнувшись снисходительно, сказал:

– Мы убивали только тех, кто строил нам козни.

– Какие козни? – строго спросила я, отлично зная, что люди неблагих всегда так боялись, что никогда бы не осмелились «строить им козни».

Меж прямых бровей Падрайга легла недовольная морщинка, и он перечислил:

– Дробили священные камни, чтобы мы не могли посещать ваш мир, стреляли в нас рубиновыми стрелами, принуждали фейри к работе по дому... Дары перестали преподносить. Чтить перестали.

Как потомок друидов и как дипломированный фейриолог я просто не

могла не возмутиться:

– Не пускали в мир? Отпугивали рубиновыми стрелами? Да мы просто защищались от вас! Иначе бы вы совсем распоясались и превратили

нашу жизнь в кошмар!

На лице эльфа появилось забавное недоуменно-удивленное выражение (эта девица имеет что-то против неблагих?), но я не пожалела о сказанном. Потому что, как учила меня бабуля, лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном, и лучше повздорить, чем промолчать.

Да, бабуля у меня та еще оторва...

– Не слушай эту смертную, Падрайг, – сказал Ириан, и посмотрел на меня взглядом инквизитора, который готовится пытать ведьму. – Я уведу ее из Файдкамена и верну в мир людей.

– Но с людьми был заключен письменный договор, – напомнил Падрайг, произнеся слова «письменный договор» с уважительным трепетом. – Магари должна остаться в волшебной стране на три месяца. Мы не можем изгнать ее до установленного срока.

– Уведите меня к благим, – предложила я, – в холм Ллвид.

– Время благих на исходе, скоро их холмы закроются. Как минует

полночь, к ним не попасть.

– Успеем, – уверенно сказал рыжий. Его лицо покраснелось от выпитого вина, а глаза засверкали, заиграли шальной энергией. Нет уж, дудки! С пьяным Ирианом я никуда не пойду!

– Может, ты меня проводишь? – с надеждой спросила я у мага.

– Я должен быть на празднике.

– Я тебя привел, я тебя и уведу, – заявил Ириан.

– Да ты меня по пути прикончишь!

– Заманчиво, конечно, – ухмыльнулся он, – но я сдержусь.

На моем лице отразилось все отношение к рыжему, и Падрайг поспешил

успокоить:

– Не бойся, Магари. Ты в безопасности, пока носишь оберег.

– Все-таки, дай мне нормального провожатого, – попросила я.

– Пойдешь с Ирианом, – отрезал придворный маг.

Вздыхнув, я смирилась с этим решением. Но какая ирония, однако! Мы торопились сюда попасть, чтобы в итоге торопиться отсюда

уйти!

Обратный путь дался мне тяжело. Ириан тащил меня за собой, не обращая внимания на то, что я дышу, как паровоз (запыхалась), путаюсь в платье (порвала, наступив на подол) и ковыляю (сломала каблук). Пройдя поле, где ждали полночи неблагойе, мы будто оказались в ином мире, безмолвном и пустом, ведь все феири собрались там, где был король, Душа ночи. Выйдя из кустов, мы ступили на каменную дорогу, и пошли по ней в полном молчании.

Я перебирала в уме яркие впечатления и надеялась, что у блажих мне будет так же интересно, но не так же страшно, и посматривала с опаской на рыжего. Вино Падрайга сделало его румяным, но угрюмость с лица не стерло. Наверняка он такой из-за проклятья,

которое на него наложили. Интересно, что за проклятье? Судя по его поведению и виду, это проклятье злобности, напыщенности и некрасивости! Теперь его планы стали мне понятнее. Он думал, моя скромная персона заинтересует скучающего короля, тот непременно мной очаруется и сделает своей дарой, а Ириан, устроивший все это, получит королевскую благодарность и с него снимут проклятье.

Изначально плохой план. Не нужно было хитрить, заманивая меня, несвободную женщину, в холмы... Пусть теперь расплачивается за это. Так ему и надо.

– Сходим, – буркнул Ириан.

Мы сошли с дороги в направлении того места, где и «провалились» в холм.

– Постой-ка, – вспомнила я, – ты говорил, у холма есть дверь, через которую можно выйти.

– До нее далеко.

– Ладно... Как мы выйдем?

Рыжий не ответил. Остановившись, он уставился куда-то вперед.

Я последовала его примеру.

Из тени вышло нечто черное, косматое и рогатое на двух лапах, и зарычало. Передние лапы этого страшилища были подняты, и нам открывался изумительный вид на длинные загнутые когти. Свальявшаяся шерсть отливала зеленью, смрадное дыхание вырывалось из приоткрытой пасти, красные глаза светились лютой злобой.

Ужас парализовал мое тело, но не ум. Вспышкой молнии возникли в памяти строчки из друидских наставлений: «Баргест – рогатый оборотень, предвестник смерти. Вид его ужасен, но он никогда не нападает первым и приносит смерть только тому, кто не уступит

ему дорогу».

Я попятилась в сторону, и заметила, что Ириан остался на месте. Почему он не уходит? Чтобы спастись, нам достаточно отойти с пути косматого и затаиться. Я потянула рыжего за собой, но не тот у меня вес, и не та сила, чтобы сдвинуть с места высокого мужчину, который хочет остаться.

Да, хочет остаться, хочет смерти! Потому что проклят, и даже эльфийские маги не знают, как ему помочь!

Ириан отцепил мою руку от своей, и я увидела подтверждение своим

мыслям в его глазах.

– Уходи, – без всякого выражения сказал он.

– Стой! Ириан!

Он уверенно пошел навстречу смерти.

Баргест зарычал снова, громче и эффектнее; я закричала; рыжий бросился на оборотня... Он махнул когтистой лапой, и отшвырнул Ириана в сторону; тот врезался в дерево и упал сломанной куклой. Хлынула

кровь из ран на груди.

Если уж баргест напал, то не уйдет, пока не доведет дело до конца, может, даже сожрет жертву.

Я попыталась уйти на ватных ногах, но одна мысль меня остановила. Ириана еще можно спасти, а у меня есть защита, даже две

– дядина и мага Падрайга. У меня длинный список страхов: боюсь огня, глубины, высоты, лифтов, больших собак, маньяков, террористов, ведьм, демонов, проклятий, навязчивых продавцов... Но фейри, даже такие, как этот, никогда не входили в этот список.

«Ну же, Мага, – подбодрила я себя, – твой препод по социологии был куда страшнее, чем этот баргест. Иди спугни его».

Фейриолог я, или нет? Решившись, я подбежала к рыжему и встала перед ним, преграждая путь баргесту.

Он в один прыжок допрыгнул до меня и занес лапу; ослепительный свет вырвался из оберега; оборотень издал устрашающий то ли рев, то ли крик... Кожу в том месте, где к ней прикоснулся оберег, обожгло. Я вскрикнула от боли и попыталась схватиться за оберег, но он ... исчез! Вместе с ним пропал и пугающий косматого свет.

Эльфийская защита, называется... Тьфу!

Сглотнув, я опустила руку и взглянула в красные глаза баргеста. Он определенно стал злее... Раз эльфийский оберег не смог меня защитить, значит, дядина защита и подавно не сможет. Баргест – олицетворение смерти. Что против него какие-то там чары? Раз уж предстоит помирать, то пусть это произойдет быстро.

– Отойди! – рявкнула я, и замахала на рогатого руками, чтобы он

разозлился еще сильнее и убил меня одним ударом. –

Прочь!

Увлечшись, я так на него взглянула, что он, видимо, оробел и... попятился. Удивленная сверх меры, я осталась на месте. Оборотень же, развернувшись, побежал куда-то в тень. Когда он полностью пропал из

виду, я ощутила слабость в ногах, развернулась и уперлась руками и лбом в ствол ближайшего высокого дерева.

Да что же такое происходит?! И со мной, и вообще?

Невесть откуда взявшаяся смелость отняла силы. Я была уверена в том, что поступила правильно, что не ошиблась, отогнав саму смерть от рыжего. Может, потому баргест и убежал, что не время Ириану умирать? Кстати, об умирании. Он там кровью истекает!

Я отлепилась от дерева – в прямом смысле отлепилась – и увидела на своих руках липкие кровавые отпечатки. Когда я успела так пораниться? Но теплая липкость осталась и на лбу... Я взглянула на ствол дерева, в который так опрометчиво уперлась. Он весь сочился кровью, а лиственную крону на ветках заменяли белеющие кости.

Ужаснувшись, я отошла от дерева к Ириану.

Жизнь стремительно покидала его вместе с кровью. Я оторвала несколько лоскутов от своего итак уже изодранного платья и кое-как заткнула глубокие борозды на его груди, оставленные когтями баргеста. Лицо мужчины казалось особенно белым на фоне крови да морковной

рыжины его волос. Я едва нащупала пульс на его шее...

Он умрет, если в ближайшие минуту-две не случится чудо. Если бы рядом был хоть один фейри, любой фейри, можно было бы напоить Ириана

его кровью и спасти. Но рядом никого, все празднуют...

Я задумчиво взглянула на свои окровавленные ладони. Эта кровь мертвая и бесполезная, но моя собственная кровь может сгодиться, ведь в ней спит магия друидов. Женщинам Вегрии и остальных цивилизованных стран магичить строго-настрого запрещено, но в экстремальных ситуациях можно нарушить запрет.

Я отвязала платок Ириана, которым он перевязал мое плечо, и ковырнула рану ногтем. Смочив пальцы кровью, я коснулась ими губ рыжего. Затем я коснулась пальцами со своей кровью его ран и начала проговаривать простейший заговор, которым дядя иногда лечил больных:

— Услышь меня, Ириан, и отзовись. Прими мою кровь и исцелись. В ней сила друидов, ей подчинись. Услышь меня, Ириан, и...

— Уходи, смертная.

Я подскочила на месте и взглянула в сторону, откуда раздался голос.

Голос принадлежал сидхе, одетому в непраздничные серые одежды, грязные и мятые, к тому же. Да и сам он был серым, грязным и помятым. И очень высоким, около двух метров. Такой рост даже среди сидхе считается признаком особой красоты, но вряд ли можно назвать этого сидхе красивым — уж очень худ, кожа да кости. Мне пришлось задрать голову, чтобы разглядеть его лицо.

Он точно не из тех, кем хочется восхищаться. Спутанные светлые волосы коротко обкорнаны, сероватая кожа явно не знает ухода, бесцветные губы сжаты в тонкую полоску, а глаза прикрыты засаленной повязкой. Слеп? Или у него смертельный взгляд?

— Вы не вняли предупреждению, — глухо проговорил сидхе. — Так умрите.

— Ты подослал баргеста? — спросила я, пытаюсь сохранить спокойствие.

— Вы должны были уйти, узрев его. Никто не должен видеть

меня.

Никто не должен нарушать мой покой.

Все понятно, социофоб.

– Мы уйдем, – пообещала я, – честно, уйдем. Даже побежим.

Только вылечи сначала этого человека, он серьезно ранен.

– Я не потрачу и капли своей крови во имя чьего-то спасения, – напыщенно ответил сидхе. – Мир отверг меня, и я отвергаю мир.

– Если ты не поможешь, мой провожатый умрет, некому будет вывести

меня из холма, и я останусь тут, с тобой.

Как я и ожидала, такая перспектива незнакомца-социофоба испугала, и он, прошептав что-то нелестное про смертных, подошел к нам. Двигался он уверенно, словно видел через повязку. Склонившись над

Ирианом, он коснулся его лба рукой и сразу же одернул.

– Поздно? – испугалась я. – Умер?

– Жив! Ты исцелила того, кого исцелять не следует! Проклятье снято.

Надменный бог возвращается к жизни!

– Надменный кто? – ахнула я, и посмотрела на Ириана.

Раны на его груди затягивались. Кожа наполнялась сиянием. Морковно-рыжие волосы темнели до красно-медных и прямо на глазах отрастали. Менялся костяк лица, доводились до совершенства черты. Трещали кости, раздвигаясь, удлиняясь. Плоть наполнялась силой.

Ириан открыл золотые глаза сидхе.

Глава 7

Глаза рыжего, его настоящие глаза, оказались дивно красивыми. Рисунок радужек, как мозаика, был собран из разных оттенков золотого, и глаза казались то красноватыми, то светлыми, как солнечный свет. Такие оптические эффекты – зрелище слишком сложное для моих заурядных человеческих глаз. Я стала смотреть на более безопасные «части» Ириана и выяснила, что ничего безопасного в нем нет. Он большой, безупречный громила с белой кожей и темно-рыжими волосами, пряди которых так причудливо раскинулись по земле, что напоминали кровавые потеки.

Он моргнул раз, другой, поморщился, закрыл глаза.

Надо же — сидхе, да еще и бывший бог! Вот почему у него такой мерзкий характер, вот откуда в нем напыщенность и взгляд в стиле

«вы букашки, я орел». В наставлениях друидов говорится, что нет созданий более коварных, жестоких и своенравных, чем бывшие боги, а я друидам верю. Не прикончит ли он меня этой своей божественной рукой воина, когда придет в себя окончательно? С него станется! Вполне может решить отомстить за то, что я была с ним непочтительна.

Я отползла от рыжего, осторожненько встала и спросила шепотом у

сидхе в повязке:

— Бог, значит? А чем именно занимался этот бог?

— Битвы, хаос, — отрывисто ответил сидхе.

— За что его проклинали?

— Битвы, хаос. Ты вернула к жизни того, кто может погубить всех!

— Я не знала, что он проклят...

— Хочешь этого, или нет, но дело сделано. Сила друидов пробудилась в твоей крови.

Значит, я не только бога пробудила, но и в друиды заделалась... Точнее,

наоборот — заделалась в друиды и пробудила бога. Теперь мне прилетит от Ордена Сопротивления и Общины друидов за несанкционированное инициирование и проведение незаконного ритуала. Жестко прилетит! И дядя может лицензию потерять... Это я

еще реакцию неблагого сообщества не учла. Судя по всему, этот Ириан

— заноза в заднице, и его проклинали за дело, а я сняла проклятье...

Дура, дура жалостливая! Не зря бабуля говорит: «Не делай добра, не получишь зла». Помогла человеку, называется! Кто же теперь мне поможет?! Я кинула опасливый взгляд на рыжего, который еще пребывал в прострации, и пробормотала:

— Я, пожалуй, пойду. Где выход?

— Выход... — повторил «серый» сидхе, и вдруг схватил меня за руку.

Я сильно пожалела о том, что потеряла бдительность и подошла к

нему так близко. Он подтащил меня к себе вплотную, нагнулся к самому моему уху, и замогильным голосом проговорил:

— Для тебя нет выхода, Магари. Отныне твоя судьба связана с неблагими.

— Нет выхода? — пролепетала я, упираясь рукой в твердую, как камень, грудь сидхе.

— Покинешь холмы — умрешь. Выбор сделан.

— Какой еще выбор?

— Эдгар знает.

Таким холодом повеяло от этого доморощенного прорицателя, такой жутью были наполнены его слова, что я не выдержала его присутствия и оттолкнула от себя со всей силы, пока он снова не ляпнул что-то роковое. Мой удар вывел сидхе из транса. Он недоуменно взглянул на свои руки, на мое лицо, и его собственное лицо перекошилось.

— Снова... это произошло снова... Все ты! Ты!

Он пошел на меня, сжав руки в кулаки, явно не по головке желая погладить, и я не знаю, чем бы кончилась дело, если бы не вмешательство третьей силы. Рыжеволосой высоченной мускулистой силы. Ириан встал между нами, одной рукой схватил сидхе в повязке за шею, и сказал:

— Привет тебе, Скендер.

В этом его настоящем голосе оставалось что-то от голоса Ириана-человека, но немного. Теперь он говорил, как и полагается сидхе — звучным голосом с эффектами. Мне на ум сразу пришли аналогии с металлом. В частности, слышался звук, с которым стальной клинок достают из ножен.

— П-привет и тебе, Ириан...

— Кажется, ты хотел причинить вред нашей гостье?

— Она друид.

— Да, друид. Не будь она друидом, я так и остался бы проклятым. — Рыжий обратил на меня свои золотые глаза и... склонил голову. — Спасибо, Магари.

— Пожалуйста... — ошалело ответила я.

— Ты напугал Магари, Скендер, — вновь повернулся к беловолосому Ириан. — Проси прощения.

– Я скорее умру!

– Это можно устроить, – сидхе сильнее сжал пальцы. Скендер попытался разжать их руками, но безуспешно. Серое лицо его сначала порозовело,

а потом и покраснело.

– Хватит, – попросила я, – ты его задушишь.

– Не переживай, – с улыбкой успокоил меня Ириан. – Сидхе бессмертны. Почти. Я могу оторвать ему голову, и он будет жить. Хочешь, оторвем ему голову?

Скендер замычал что-то протестующее, и сдался, пробулькав:

– Про... сти... Прости... Мага...ри...

– Прощаю, – быстро сказала я, мечтая, чтобы эта безобразная сцена

закончилась.

Ириан отпустил беднягу и, дав ему продышаться, спросил:

– Теперь скажи, припасено ли у тебя предсказание и для меня?

Несчастный сидхе, который уже, наверное, раз сто успел горько пожалеть

о том, что вышел к нам,

сказал зло:

– Я не могу предсказывать по желанию. Мой дар пробуждается спонтанно.

– Тогда уходи, горевестник. Рад, что тебе нечего сказать мне.

Скендер попятился, щупая пострадавшую шею, а потом развернулся и быстро ушел. Его серый силуэт долго еще был различим в темноте. Худой, оборванный, возможно, слепой, он не просто так скрывается ото всех. «Мир отверг меня, и я отвергаю мир»...

– Кто он? – спросила я.

– Прорицатель, который видит только плохое.

– Но вероятностей будущего множество, и все они не могут быть плохими.

– В том и беда Скендера. Ему дана сила не только видеть вероятности: озвучивая одну вероятность, он уничтожает остальные. Другими словами, все, что он предсказывает, сбывается, и это всегда что-то плохое.

Я почувствовала холод в сердце. «Покинешь холмы –

умрешь», — предсказал он мне. Надо было уйти с пути баргеста... надо было... а я вместо этого сама притянула к себе беду.

— Я слышал, что он предсказал тебе, Магари, — сказал Ириан. — Но здесь, в холмах фейри, ты в безопасности. Чтобы избежать смерти, тебе всего-то нужно остаться.

— Я не могу остаться здесь, вся моя жизнь там, среди людей!

Я стала ходить туда-сюда, лихорадочно размышляя, есть ли выход из сложившегося положения. Даже дня не провела в холмах, а уже натворила дел! Шокировала короля Зимы рвотой, испугала баргеста, инициировалась, как друид, сняла чужое проклятье, повстречала горевестника... Почему я не послушалась дядю? Почему не уступила дорогу тому треклятому баргесту? Почему совершаю одну ошибку за другой?

Мои губы задрожали, глаза защипало от слез.

— Взгляни на меня, Магари, — велел Ириан.

Я шмыгнула носом и, задрав голову, посмотрела в его новое... то есть

старое... то есть настоящее лицо.

— Кого ты видишь перед собой?

— Сидхе.

— Вот именно. Ты сегодня спасла сидхе, — сказал рыжий торжественно, словно это величайшее достижение, которым стоит гордиться. И я, глядя на него, была склонна верить этому.

Порванный ало-черный костюм сидел на нем в обтяжку, а кое-где лопнул, открывая безупречную кожу и фрагменты золотящихся или красноватых татуировок. Тяжелая медная шевелюра достигала колен и даже в растрепанном виде восхищала. А лицо! Настоящее лицо бога, таких ни у эльфов, ни тем более у людей не бывает. Мои глаза широко раскрылись, проливая крупные бриллианты слез, и я ощутила слабость в коленях и горчинку на языке.

— Не на меня! — крикнул Ириан уже совсем не торжественно и отскочил в сторону.

Я же бухнулась на колени и, упершись руками в землю, закончила то, что начинается, когда случается переизбыток прекрасного. В этот раз все было не так ужасно, потому что мой желудок был пуст. Поэтому, покорчившись немного, я вытерла рот и, стараясь не смотреть

в сторону виновника моего недомогания, устало спросила:

— Я так понимаю, к благим мы опоздали?

— Опоздали, — буркнул оскорбленно Ириан. Ему тоже моя

«тошнотная» реакция не понравилась.

Ну и плевать на него и всех остальных! Этим фейри не угодишь!
Я устала, у меня рези в желудке, и голова кружится! Недолго думая, я улеглась прямо на земле, поджала колени к животу и закрыла глаза. Магари плохо. Магари хочет побыть одна. Или хотя бы представить, что она одна...

Рыжий бог постоял немного, недоумевая, потом подошел ко мне и спросил с подозрением:

— Что ты делаешь?

— Горюю.

— Вот оно что.

Присев рядом на корточки, он похлопал меня здоровой ладоницей

по бедру и бодро проговорил:

— Поднимайся, фейриолог. Нам надо идти.

— Никуда не хочу идти... моя жизнь кончена.

— Пока нет.

— Но будет кончена.

— Эка невидаль! У всех людей жизнь рано или поздно заканчивается.

— Моя закончится рано, потому что я вернусь домой.

Ириан усмехнулся чему-то, просунул руки под меня и легко поднял. Я встrepенулась, открыла глаза, вспомнила, что на него чревато смотреть, закрыла глаза, и возмутилась:

— Что ты делаешь? Опусть меня немедленно!

— Опущу, если тебя снова начнет тошнить. Но ты уж постарайся сдержаться.

Он зашагал куда-то, и то, что я пытаюсь вырваться из его медвежьих объятий, никак ему не мешало. Ерзая, я забыла о том, что у меня разорван подол платья. Когда Ириан легонько встряхнул меня, чтобы прismsирить, его рука оказалась в непосредственной близости от

стратегически важного места. Я тут же волшебным образом притихла и

больше не ерзала. Только буркнула:

– И куда ты меня несешь?

– В одну гоблинскую пещеру.

– В гоблинскую?!

– Успокойся, сейчас их там нет.

– Тогда зачем ты несешь меня туда?

– Как зачем? – игриво ответил Ириан. – За бражкой. Она у них убойная. Надо же отметить мое возвращение к жизни.

Я хотела возразить, но передумала. Мне праздновать нечего, но выпить

определенно нужно.

До пещеры мы добрались быстро. Еще бы не быстро! У рыжего и роста прибавилось, и сил, и даже покрывало густых волос за спиной ему не мешало. Напряженная, я сидела у него на руках, но усталость взяла свое и вскоре я задремала.

– Просыпайся, Магари, – сказал Ириан, и легонько меня встряхнул.

Я открыла глаза, зевнула, и увидела, что мы уже на месте.

Вход в пещеры охраняли несколько гоблинов такого жуткого вида, что сразу стало понятно, почему их не взяли на праздник. Но они тоже праздновали... точнее, уже отпраздновали Самайн – напились той самой бражки, за которой мы пришли, и дрыхли.

Ириан опустил меня.

Еще разок зевнув, я с восхищенным отвращением стала разглядывать гоблинов. Слизкая кожа в наростах, из ртов торчат желтые кривые клыки, вздрагивают во сне недоразвитые конечности, у одного прямо на лбу сочащаяся язва. А запах! Даже от людей, которые перебрали, такое амбре исходит, что впору надевать средства защиты, так

что уж и говорить о напившихся

гоблинах?

– Хороши стражи... – протянула я, морщась.

– Настоящие стражи внутри, – отозвался Ириан, подходя к бочонку, который валялся у входа. Взяв бочонок, он взвесил его в руке и с улыбкой сказал: – Нам хватит. Идем.

– Разве можно брать чужое?

– Это гоблинская бражка.

– Вот именно, гоблинская, а гоблины – часть вашего двора.

Нужно уважительно относиться ко всем фейри.

– Я бог, не мне просить у низших.

Как на такое возразить? Я со вздохом пошла за «богом», надеясь, что проснувшись, гоблины не сильно обидятся на то, что у них позаимствовали выпивку. Ириан шел неторопливо, но даже его неторопливый шаг был для меня проблемой. Я почти сразу отстала от него, ведь не так-то просто успеть за двухметровым громилой, когда в тебе всего метр семьдесят, ты в платье с рваным подолом, который цепляется

за все подряд, в туфлях, одна из которых без каблука.

Но просить рыжего притормозить я не хотела – эдак он просто снова меня на руки возьмет. Дело кончилось тем, что я сломала другой каблук, оступилась и с удивленным «Ой!» завалилась прямо в кусты, а оттуда и в болото. Трясина жадно чавкнула, принимая неожиданное подношение... то есть «упадение», и поднялись тусклые огоньки голодных спанков.

– Ириан! – крикнула я, но он был уже рядом (когда только успел?).

Правда, вытаскивать меня не спешил. Прыгнув на кочку, откуда можно было меня достать, он упер руки в бока и протянул насмешливо:

– Ты никак уже пьяна. Когда только успела, всегда же на виду была?

– На виду? Я всегда была позади, потому что не могла за тобой угнаться! Тьфу... – отплевываясь от зловонной жижи, фыркнула я, и протянула

ему руку, чтобы вытащил.

– Что ж не сказала? Я бы тебя на руки взял, тогда бы и догнать не пришлось. Или тебе не понравилось у меня на руках? – ехидно уточнил

он.

– Не понравилось!

– Тогда приятного погружения.

С этими словами эта несносная ско... то есть сидхе, собрался перепрыгнуть

с кочки на землю.

– Ириан! Я сняла с тебя проклятье! – напомнила я на всякий

случай, и задрала подбородок – жиха была уже у самого рта, а ноги стало овивать что-то теплое и скользкое.

– Ириан! – уже истерически крикнула я, и рыжий смиловился. Протянув руку, он сунул ее в жиху, нащупал мою руку и вытащил меня без труда, вместе с шевелящимися водорослями на

ногах. Водоросли, оказавшись вне родного болота, растерялись, ослабили

хватку и соскользнули обратно в трясину.

Сидхе закинул меня к себе на плечо и прыгнул с кочки на берег.

Там, похлопав меня по попе, он со смехом сказал:

– Вот в таком виде люди мне нравятся.

Подхватив бочонок, он продолжил путь. Я так и осталась болтаться на его плече, и такую позицию никак нельзя было назвать удобной или хотя бы приличной – перед самым моим лицом оказались его ягодички, пусть и прикрытые плащом густой шевелюры. Упираясь руками в его спину, я попросила:

– Возьми... меня...

– Что-что? – он аж остановился.

– ... нормально возьми, – попыталась объяснить я.

– Взять тебя нормально? Я правильно расслышал?

– На руки возьми!

– Может, ты иное имела в виду? – усмехнулся он, и снова хлопнул меня по попе. – Мы можем приятно провести время. Только сначала отмойся.

– Нет! Опустить меня!

– Уверена? Ты неуклюжая, а тут повсюду обманки. Второй раз из трясины вытаскивать не буду.

– О, Богиня!

– Зачем тебе богиня, если бог рядом?

– Хватит издеваться! Я всего лишь человек, голодный, усталый и грязный, среди недружественных неблагих, и...

– Недружественных? После снятия проклятья я к тебе очень даже

дружественно настроен.

– У меня сейчас нервы сдадут!

– Ла-а-адно, человек, – рассмеялся он и, опустив меня аккуратно, взял за руку. – Так пойдем. Устроит?

– Нет, – обиженно, как маленькая девочка, ответила я, и показала на свои ступни. – Туфли в болоте остались.

Моя нижняя губа задрожала, и я сама вся, в целом задрожала, и рыжий со вздохом сказал:

– Придется все-таки нести тебя на руках.

– Не издевайся, – тихо и серьезно попросила я. – У меня ужасный

день.

Не знаю, о чем подумал рыжий, но на руки он меня взял очень аккуратно. Неужели пожалел?

Грязь на мне постепенно подсыхала и отваливалась кусками. Рыжий делал вид, что не замечает этого, как и изысканных ароматов болота, которые от меня исходили. Мы все дальше уходили от топей, и пейзаж менялся, но смотреть, по сути, было не на что. Это не благие земли, здесь красоты не найдешь. Деревья, кусты, меркнувший свет... Ириан смело шагнул в густые заросли и, расступившись перед ним, пропустили нас к озеру, светящему ровным голубым цветом.

А я ошиблась! Все-таки здесь есть, на что посмотреть.

Рыжий уверенно подошел к самому берегу и опустил меня. Заметив, как примята трава у берега, и какой яркой она кажется, я покрепче схватилась за руку сидхе.

– Что такое? Маленький фейриолог чего-то боится? – поинтересовался Ириан.

– Келпи, водяные духи, – сказала я. – Они обитают здесь, верно?

– Верно. Но сегодня ночью они празднуют Самайн и носятся по лесу. Не волнуйся, их приближение не останется незаметным. Они ржут, как кони, – пошутил сидхе, и сам же рассмеялся своей шутке.

– Очень смешно! – фыркнула я, и отметила, как изменилось поведение

рыжего. Напыщенность и высокомерие

никуда не делись, но угрюмость сменилась на почти детское озорство и добродушие. Если бы я могла без тошноты смотреть на него, то, наверное, и в выражении его лица заметила бы большие перемены.

Он снова стал самим собой — сидхе. Но почему же тогда возится со мной? Почему не вернется к своим, не отпразднует с ними эту ночь, ставшую для него такой удачной? Только я хотела спросить об этом, как

он опустил бочонок и, велел мне стеречь его, стал раздеваться.

Я поспешно отвернулась, пока не случилось непоправимого, и на всякий

случай даже глаза закрыла. Судя по тому, какие звуки раздавались, Ириан не столько снимал одежду, сколько срывал, и при этом напевал себе под нос что-то незатейливое.

Плюх! В воду он вошел шумно, подняв брызги. На меня попало тоже, и я, вздрогнув, открыла глаза. Искушение развернуться, чтобы поглазеть на нагого бога было сильным, но меня до сих пор слегка

мутит. Чтобы отвлечься от мыслей об обнаженной сидхейской натуре, я

стала думать о своем неожиданном инициировании в друиды.

Вегрийская Община друидов принимает в неофиты мальчиков не старше двенадцати лет. Желательно, чтобы у юного неофита были какие-то начальные способности к магии, но могут принять и обычного ребенка, если тот подходит по личным качествам. Итак, чтобы стать друидом, нужно родиться мальчиком, двадцать лет учиться и пройти сложную инициацию. Так как же я, взрослая женщина, стала друидом — друидессой — без обучения вовсе? Может, все дело в особенной дядиной защите?

Ириан между тем накупался и вылез из озера. Услышав его приближение, я снова закрыла глаза.

— Твоя очередь, — сказал он, и я вздрогнула от ощущения, будто по моему позвоночнику провели острием кинжала. — Оставь сумку и искупайся, смой грязь.

— Что ты сделал голосом? — спросила я, сняв с плеча ремешок сумки.

— Я сидхе. Мой голос — сталь, глаза — золото, кожа — снег, волосы — кровь.

— ...Характер — ужас, — добавила я прежде, чем осознала, что дразнить

бога не безопасно для жизни.

Расплата была быстрой. Схватив в охапку, он швырнул меня в озеро. Вода сначала показалась мне ледяной, и дыхание перехватило; выплыв на поверхность, я шумно вдохнула и обвинительно взглянула на Ириана.

— А если я... — прерывисто проговорила я, — плавать бы не умела?

— Тогда бы ты утонула, и келпи ждал прекрасный ужин по возвращении.

Фыркнув, я отвернулась от бесстыжего и отплыла подальше. Чем больше я находилась в воде, тем теплее она казалась. Я долго, с наслаждением плавала, ныряла, пока моя кожа не очистилась от зловонной болотной жижи и не приобрела легкое голубоватое сияние. Опомнилась

я, когда рыжий крикнул:

— Довольно, вылезай.

Я поплыла к берегу, чувствуя себя гораздо лучше, и, ступив на скользкую траву, выпрямилась. Золотые глаза рыжего вспыхнули, и я с

опозданием поняла, почему. Мокрое платье облепило мое тело, подчеркнув каждый изгиб. Пожалуй, покажись я перед ним обнаженной, это бы не произвело такого же эффекта...

Я решила сделать вид, что ничего особенного не происходит, и как ни в чем не бывало продолжила идти; он в свою очередь продолжил смотреть, как кот за мышкой. Наши взгляды встретились, и после изумительной

прохлады озера мне стало жарко.

Издав булькающий звук, я метнулась в сторону и сделала вид, что меня вот-вот вытошнит. Но вместо того, чтобы скривиться от отвращения, как прежде, Ириан посмотрел на меня внимательнее и проговорил:

— Ты притворяешься.

Я собралась возразить, но вовремя вспомнила, что в холмах лгать нельзя. Юлить, уходить от ответа, говорить метафорически и пространно можно, но открыто лгать — ни в коем случае.

Ничего не ответив, я подтянула к себе сумку и рывком раскрыла ее. Болотная жижа не проникла внутрь, и мои вещи остались чисты и сухи — спасибо дядиным чарам. Он не только сделал сумку не убиваемой,

но и значительно расширил ее

вместимость, так что внутри уместилось столько вещей, сколько не влезло бы и в объемный чемодан. Вытащив бабушкин любимый платок с маками (она настояла, чтобы я взяла этот платок), я накинула его себе на плечи.

Увы, бабулины маки не спасли меня от непристойного разглядывания:

Ириан не отвел взгляда.

– Боишься меня, Магари? – спросил он, и в его голосе мне
почудился
жар пламени.

– Да, – с досадой ответила я, и только тогда он отвернулся.

Хотелось бы мне чувствовать себя уверенней, но рядом с богом
это,
наверное, невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке
автора: <https://litnet.com/ru/book/prakticheskaya-feirilogiya-b179928>